

Р1(с132)

Р83

А. РУДАКОВА.

ПОЗОРНЫЙ ВѢНОКЪ.

Драма въ 4-хъ актахъ.

Цѣна 50 к.

Издание Рудаковой.

ТУЛА.

ропечатня и типографія И. Д. Фортунатова насл.; Телеф. 358.

1909.

41908

Р 83

Т. К.

72483
Его Превосвщенству Превосвщеннѣйшему
Епископу Марфенію.

А. РУДАКОВА.

Вмѣ автора
А. Рудаковой.

ПОЗОРНЫЙ
 ВЪНОКЪ.

Драма въ 4-хъ актахъ.

Цѣна 50 к.

Изданіе Рудаковой.

ТУЛА.

Электротпечатня и типографія И. Д. Фортунатова насл.; Телеф. 358.

1909.

Пьеса дозволена къ представленію драматическою цензурою
29 септември 1904 г.

Дѣйствующія лица.

Акулинъ, Андрей Вуколычъ, 50 лѣтъ, волостной старшина очень богатый мужикъ, владѣлецъ нѣсколькихъ сотъ десятинъ земли и небольшой роци. Одѣтъ въ длинный сюртукъ, брюки заложены въ сапоги; въ торжественныхъ случаяхъ одѣваетъ шляпу-цилиндръ.

Дарья Андреевна, 27 лѣтъ, одѣвается богато и по модѣ.

Павель Андреевичъ, 23 лѣтъ, одѣтъ когда въ пиджачной, когда въ сюртучной парѣ. } Дѣти его.

Владиміръ Николаевичъ Горшинъ, интеллигентный молодой человѣкъ, горячаго и порывистаго темперамента; два года живетъ въ этой мѣстности и управляетъ графскимъ имѣніемъ, въ костюмѣ оригинальничаетъ: то въ европейскомъ костюмѣ, то въ цыганскомъ казакинѣ и широкихъ шароварахъ съ лампасами, а иногда и въ крестьянскомъ платьѣ.

Ученовъ, Александръ Гавриловичъ, 60 лѣтъ, учитель церковно-приходской школы.-- Живетъ при школѣ.

Өомичъ, 62 лѣтъ, сторожъ при церкви и при школѣ.— Живетъ при школѣ.

Минодора, (уменьшительное Мина) дочь Өомича и крестница учителя; молодая дѣвушка, живетъ при отцѣ и исполняетъ почти всѣ работы за него; много читаетъ и готовится держать экзаменъ на учительницу; одѣвается въ крестьянское платье, но иногда одѣваетъ расшитый малороссійскій костюмъ. Платокъ на головѣ носитъ низко.

Алексѣичъ, крестьянинъ изъ одноворцевъ, 42 лѣтъ, занимается извозомъ.

Маланья, молодая баба-солдатка.

Дьячиха, Александра Ивановна, давно овдовѣвшая, лѣтъ 50.

Еся (Елисей) юродивый нищій, лѣтъ 65 блѣдный, съ длинной сѣдой бородой и волосами почти до плечъ, зиму и лѣто ходитъ разутый и раздѣтый, съ раскрытой головой и съ пустымъ мѣшкомъ на плечъ; одѣтъ въ длинную холстинную рубашку; веревкой подпоясанъ; шаровары до пятъ изъ толстой холстины.

Урядникъ, Орестъ Орестовичъ Аристовъ, 28 лѣтъ.
Пастухъ.

Два городскихъ оборвыша.

Двѣ дѣвушки хлѣбницы.

Двѣ дѣвочки-сиротки подъ названіемъ яблочки.

Два парня, одѣтые чертями.

Крестьяне всякаго возраста и пола.

Иногородніе гости.

Дѣйствіе происходитъ въ селѣ средней полосы Россіи.

ОБСТАНОВКА.

Большая поляна, окруженная лѣсомъ. Справа большія лиственные деревья; ближе къ сценѣ валяется старое сломанное дерево, рядомъ сухой пенъ. Слева рѣдкій березникъ, среди березника родникъ; въ глубинѣ мелкій кустарникъ; за кустарникомъ дорога изъ села на лугъ; за дорогой протекаетъ небольшая рѣчка; вдали видно селеніе; по дорогѣ возятъ сѣно, рожь, хворостъ и гонятъ стадо.

Начало Іюня. Раннее утро; сквозь деревья пробиваются утренніе лучи солнца: рѣка и селеніе освѣщены утреннимъ солнцемъ. Старшина и Ѳомичъ сидятъ на полянѣ, Алексѣичъ лежитъ. На травѣ стоитъ четверть съ водкой, нѣсколько бутылокъ и кузовъ опрокинуты. Стаканы, лепешки, баранки валяются на травѣ. Слышенъ пастушій рожокъ.

Дѣйствіе 1-е.

Алексѣичъ (*зѣвая и потягиваясь*). Вы ужъ опохмѣляетесь, а меня не разбудите!

Старшина (*жуя хлѣбъ*). Да и насъ никто не будилъ, — сами проснулись.

Өмичъ (*ставя стаканъ на кузовъ*). А водки до завтрашняго утра хватить. (*Вдали слышно пѣніе и ревъ коровъ, блѣяніе овецъ*).

Алексѣичъ (*вставая*). Приволье лѣтомъ, и день и ночь въ лѣсу. (*Смотритъ вдаль*). Вонъ бабы коровъ гонять.

Старшина (*подавая стаканъ водки Алексѣичу*). На, опохмѣлись! Небось трещить въ головѣ-то?

Алексѣичъ (*беря стаканъ*). Дюже трещить. (*Пьетъ*). Пойти къ роднику освѣжиться. (*Идетъ къ роднику, мочитъ себѣ голову*).

Старшина (*подавая Өмичу стаканъ съ водкой*). Пей, Өмичъ! Не жалѣй, еще ведро поставлю!

Өмичъ. Я доволенъ Вами, Андрей Вуколычъ! За что вы только угощаете меня, бобыля?

Старшина. Полюбился ты мнѣ; да и дочь у тебя красавица и въ совершеннолѣтіи.

Өмичъ. Нда, вотъ оно што!...

Старшина. Позаботься ты, Өмичъ, о своей дочери. Она у тебя такая красавица, а какъ послѣдняя кухарка работаетъ: и за водой ходитъ, и дрова рубить, и школу и церковь мететь.

Өмичъ. Она любитъ трудиться. Говоритъ „это полезно, здорово и весело. Все равно — что танцуешь“.

Старшина. Эхъ! По настоящему-бы ей надо танцевать съ кавалеромъ, а не съ ведрами, да половыми щетками... Иди-ко, Өмичъ, ко мнѣ жить на хуторъ. Дѣла тебѣ — только присматривать за рабочими, а жалованье дамъ, какое попросишь.

Өмичъ. Я-то и пошелъ-бы, да Минодора не поидетъ. Она съ крестнымъ своимъ не разстанется во вѣкъ, а я безъ дочери — што безъ души.

Старшина. Да я безъ дочери твоей тебя и не возьму, а хочу, чтобъ ты жилъ съ Минодорой у меня... Эхъ! ужъ и озолочу васъ....

Өомичъ. Пожалуй ослѣпну отъ золота-то. Никогда не выдавши его, да вдругъ такой блескъ. (*Подходитъ Алексѣичъ*).

Алексѣичъ. Правда твоя, Өомичъ! Какъ вдругъ заблеститъ это оно предъ глазами-то, ну съ непривычки и ослѣпнешь.... сколько примѣровъ бывало. (*Мимо ихъ къ роднику бѣжитъ Еся съ полнымъ мѣшкомъ хлѣба; кладетъ мѣшокъ не далеко отъ родника; беретъ рукой воду изъ родника; пьетъ, потомъ становится на колѣни; молитвенно складываетъ руки на груди; поднимаетъ глаза къ небу и такъ стоитъ нѣсколько минутъ, потомъ простирается ницъ и такъ долго лежитъ; потомъ встаетъ и благоговѣнно смотритъ на небо, потомъ дѣтски радуется каждой травкѣ и былинкѣ*).

Өомичъ. Указывая на проходящаго мимо ихъ Есю). Вотъ и примѣръ... Ему, говорятъ, много золота досталось, а онъ всѣхъ дочерей, всю семью чрезъ это растерялъ, да вотъ теперь и юродствуетъ... А онъ — изъ ученыхъ, не намъ чета и то свихнулся.

Старшина. Ну, ты о немъ плохо не говори. — Онъ человѣкъ блаженный. (*Пастушій рожокъ сзываетъ коровъ; пѣніе бабъ приближается; изъ-за кустовъ выходитъ Маланья съ кувшиномъ на плечахъ, придерживая его рукой; въ другой рукѣ ведро; поетъ въ тактъ бабамъ*).

Алексѣичъ. (*Указывая на Маланью*). Вонъ, и Маланья пѣвунья идетъ!

Старшина. Эй, Маланья! Аль у пастуха была? весела идешь....

Маланья. (*Остановясь и низко кланяясь*) Да, коровъ сдала; да хочу водицы захватить изъ родника.

Старшина. Знаемъ мы твоихъ коровъ-то... Садись, гуляй съ нами!

Маланья. (*Улыбаясь кланяется*). Съ великимъ моимъ удовольствіемъ погуляю въ честной компаніи...

А вы, я вижу, ночевали въ лѣсу-то? (Ставитъ ведро вверхъ дномъ; садится на него, кувшинъ поставила противъ себя, опрокинувъ и его вверхъ дномъ. Старшина наливъ въ стаканъ водки, подаетъ Маланьѣ).

Старшина. Ночевали, Маланьюшка! Ну-ка, выпей! Да спой намъ пѣсню, ты здорово поешь!

Маланья. (Смѣясь беретъ стаканъ, пьетъ; старшина наливаетъ другой; Маланья хохочетъ, беретъ стаканъ изъ рукъ старшины, ставитъ на кувшинъ). Пусть постоитъ немножко, а я пока поѣмъ бараночекъ, а то сразу опьянѣешь на тощахъ-то...

Алексѣичъ. Экія - эти бабы! Вездѣ могутъ ловко и красиво устроиться. (Смотритъ на нее. Всѣ смѣются; пьютъ. пѣютъ. По дорогѣ за кустарникомъ идутъ коровы, телки овцы; за ними съ длинными хвостинами бабы, дѣвки, мальчишки и дѣвчонки; поютъ) „не будите молодую ранымъ рано по утру... Вы тогда меня взбудите, когда солнышко взойдетъ. пастухъ выйдетъ на лужокъ, заиграетъ во рожокъ“... (Вдали слышенъ пастушій рожокъ, сзывающій коровъ; одинъ гуртъ коровъ прогоняетъ; минуты черезъ двѣ слѣдуетъ другой; затѣмъ черезъ минуту или двѣ слѣдуетъ третій, четвертый и т. д.).

Маланья (старшинѣ). Говорятъ, ты дочь свою просваталъ за графскаго управляющаго?

Старшина. Только думаю просватать. А тебѣ што?

Маланья. Да, ничего!.... Скорѣ жени его, а то онъ даже сталъ бѣгать за нашими дѣвками.

Вомичъ. Владиміръ Николаевичъ два года живетъ въ нашей мѣстности.—Присмотрѣлся, узналъ дѣвичьи нравы, ну и смѣло приступаетъ къ нимъ...

Алексѣичъ. Э, нѣтъ! Владиміръ Николаевичъ скромнѣй всякой дѣвки.. Они сами летятъ къ нему, какъ мухи къ меду.

Маланья. А ежели какая не летитъ къ нему, такъ онъ самъ къ ней полетитъ.

Старшина. Чтожъ, парень онъ молодой, пусть побалуется.

Маланья. А если онъ вправду влюбится въ деревенскую красавицу и женится на ней, а твоя дочь и жди еще пять лѣтъ такого жениха.

Старшина Эхъ, дура баба! Кто нынче на бѣдныхъ красавицахъ женится? Съ ними только играютъ, а женятся на богатыхъ. А Владиміръ Николаевичъ знаетъ, что я даю за дочерью пятнадцать тысячъ.

Маланья. Охъ. Смотри не опоздай. Онъ часто спрашиваетъ у меня про его дочь. (*Указываетъ рукой на Омича*). „Зачѣмъ она платкомъ низко покрывается? куда ходитъ? Отчего крестный ея отецъ никого въ школу не принимаетъ?“... А ты самъ знаешь, какъ она красива... Стоитъ ему только ознакомиться съ ней — пожалуй женится. — Вѣдь онъ добрый.

Старшина. (*Ударивъ кулакомъ по кувшину*). Ну, нѣтъ! Я самъ на ней женюсь... (*Маланья хохочетъ*).

Алексѣичъ. Отъ живой-то жены жениться хочешь?...

Старшина. Ну ее къ черту! Заврался съ ней съ пьяну-то.

Омичъ. А ты, Маланья, не сплетничай, а лучше спой что-нибудь!

Старшина. Во, во, повесели насъ! Спой пѣсню, штобъ за душу хватало

Маланья. Ну, ладно! Спою-чтоль, а вы ребята, подтяните мнѣ. (*Запѣваетъ Некрасовскую страду*): „Въ полномъ разгарѣ страда деревенская... Доля ты русская, долюшка женская!“ .. (*Алексѣичъ, Омичъ, старшина подпѣваютъ*).

Старшина Ну, и поешь же ты, Маланья! Душу отдашь... не даромъ ребята за тебя дерутся.

Маланья. (*Вставая беретъ ведро и кланяется старшинѣ*). Благодарю покорно за угощеніе, Андрей Вуколычъ. (*Обращается къ Омичу*). Што твоя дочь нынѣшнее лѣто въ хороводахъ не играетъ?

Омичъ. Учитель говоритъ: теперь стыдно ей хороводы водить, скоро будетъ учительницей.

Маланья. Вѣдь не господская дочь, а такая-же крестьянская, какъ и мы.

Өомичъ. И я тожъ говорю, да она больше слушается крестнаго.

Маланья. Ну, ужъ и крестный! Дѣвкѣ нужны женихи, а онъ ее съ книжками заперъ.

Алексѣичъ. Да, дѣвкѣ пора пришла замужъ выходить, а ее отъ ребятъ прячутъ.

Маланья (*Өомичу*). Скажи ей, чтобъ нынче приходила круги водить; я ее сведу съ Владиміромъ Николаевичемъ.— Онъ дюже просилъ меня объ этомъ... (*беретъ кувшинъ. Өомичъ и старшина поднимаютъ кулаки, грозятъ ей; Алексѣичъ хохочетъ*).

Өомичъ. Я те сведу!! Ишь сводня какая явилась!...

Маланья. *Што съ вами пьяными толковать. (Повернувшись идетъ къ роднику; беретъ воду изъ родника; смотритъ на Есю; кланяется ему; ставитъ кувшинъ на плечо, поддерживааетъ его рукой; въ другую беретъ ведро и уходитъ).*

Өомичъ. Ахъ, безстыжая! Сама съ пастухомъ всѣ ночи прогуливаетъ, да и другихъ хочетъ заставить...

Алексѣичъ. Ну, эта хоть баба, да солдатка притомъ, а наши дѣвки-то безстыжія стали, — какъ стали на заработки на торфяники ходить, ну и пропація всѣ стали...

Өомичъ. Охъ! ужъ этотъ торфъ, торфъ! Сколько народу загубилъ...

Алексѣичъ. Да, пойдутъ туда наши мужики и парни: молодыми, здоровыми, а домой придутъ больными калѣками.

Өомичъ. Да, братъ! у кого лихорадка, у кого чихотка; у кого ломота; кого водянка раздула, а кто живымъ гніетъ.

Алексѣичъ. Да, здоровье на всю жизнь теряютъ, а денегъ всего рублей двадцать принесутъ за лѣто.

Өомичъ. Охъ! какія страсти рассказываютъ: загоняютъ это ихъ, какъ каторжниковъ, по поясъ въ воду, а вода холодная, какъ ледъ; а онъ стой, работай—отказаться нельзя, ихъ закабалили подъ росписку.

Старшина. А зачѣмъ они идутъ туда, коль такъ плохо... Или вотъ тоже переселяться вздумали въ другія губерніи.

Алексѣичъ. Эхъ! Андрей Вуколычъ, да вѣдь ѣсть-то хочется... землей не прокормишься. Надѣлъ малъ, а семья-то все прибавляется.

Старшина. Вотъ погодите, и мужикъ поправится. По дорогой цѣнѣ будетъ продавать: молоко, яйца, масло и скотину, потому за границей большой спросъ на эти продукты...

Өмичъ. Только мужику продать - то мало чего. *(Подходятъ два городскихъ оборвыша въ пиджакахъ, съ мышками подъ мышками. Снимаютъ рваныя фуражки, кланяются и просятъ милостыню).*

Оборвыши *(низко кланяясь).* Подайте милостыньку. — Два дня не ѣли и дѣтки наши голодные, оборван....

Старшина *(прерывая рѣчь оборвышей).* Што васъ нанесло изъ города въ деревню? Аль наши мужики богаче городскихъ стали?... *(Указываетъ рукою на Өмича и Алексѣича).* Они вонъ плачутъ, имъ самимъ хлѣба не хватаетъ, а вы ни свѣтъ-ни заря пришли сюда выпрашивать послѣднее.

1-й оборвышъ. Да вѣдь ѣсть-то хочется, а воровать стыдно, да и тюрьма страшить.

Өмичъ *(грустно качая головой).* Охъ, ребята! Вижу не миновать вамъ этой участи...

Старшина. Работать надо!

2-й оборвышъ. Да работы негдѣ достать. *(Еся подходитъ съ мышкомъ на плечъ; кладетъ его на траву; обращается къ оборвышамъ):* „Дайте ваши мѣшки, я вамъ хлѣба положу“. *(И самъ беретъ у нихъ мышки; Садится на траву и перекладываетъ изъ своего мышка въ ихъ мышки: хлѣбъ, лепешки, баранки и проч.).*

Старшина *(съ недовѣріемъ и усмѣшкой).* Съ чего-жъ это работы негдѣ достать?

2-й оборвышъ. Да мало производствъ. У насъ все больше заграничныя издѣлія.

Старшина. Такъ производите сами. Кто вамъ мѣшаетъ?

2-й оборвышъ. Нищета мѣшаетъ, да необразованность наша...

Старшина (*указывая рукой на Оомича и Алекси́ча*). У нихъ бѣдность и темнота, у васъ необразованность и нищета, (*прижимаетъ руку къ сердцу*) у насъ невѣжество и безденежье. Гдѣ-же образованность? гдѣ довольство? гдѣ деньги?...

1-й оборвышъ. Гдѣ образованность — не можемъ вамъ сказать, а гдѣ деньги — скажемъ вѣрно, что плѣснѣютъ въ сундукахъ, да въ землѣ лежатъ въ кубышкахъ и кувшинахъ...

Старшина (*хохочетъ и достаетъ изъ кармана деньги*). Каковъ! Остричь умѣетъ! (*хохочетъ*). Ай, да острякъ. На же тебѣ за это пятакъ. У тебя не заплѣснѣютъ. — Живо въ оборотъ пустишь. (*Протягиваетъ съ пятакомъ руку къ оборвышу. Оборвышъ беретъ пятакъ и держа его на ладони, смотритъ то на пятакъ, то на старшину*).

2-й оборвышъ (*заглядывая въ руку 1-го оборвыша*). Да, въ сундукъ не спрячешь и не будешь ждать дня рожденія купоновъ...

Старшина. Вижу ребята вы умные и далъ бы вамъ рублей тысячу на производство какое, да вотъ этому старику обѣщаль дать. (*Указываетъ на Оомича*). У него дочка надрывается отъ работы.

Оомичъ. Благодарю покорно. Мнѣ не нужно.

Старшина (*волнуясь*). Какъ не нужно! Ты на эту тысячу рублей большія деньги можешь нажить, если не спрячешь въ сундукъ, а будешь разныя заграничныя издѣлія производить.

Оомичъ. Гдѣ мнѣ, мужику, заграничныя издѣлія производить, мое назначеніе всѣхъ хлѣбушкомъ кормить.

Старшина. Въ такомъ случаѣ земли возьмешь въ аренду десятинъ сто...

Оомичъ. Старъ я сталъ! — Боюсь не управлюсь.

Старшина (*передразнивая*). Боюсь, боюсь! — Отъ того-то и не устройство такое — Труда всѣ боятся.....

Еся (*быстро подошелъ къ старшинѣ и протянулъ руку*). Дай мнѣ рубль!

Старшина (*подавая Есѣ рубль*). Помолись за меня, Еся! (*Обращается къ оборвышамъ*). Что-же вы не уходите? Вѣдь я вамъ далъ пятакъ и ступайте, да благодарите, что не прогналъ. (*Оборвыши переминаются съ ноги на ногу и нервно вертятъ фуржки въ рукахъ*).

Еся (*протягиваетъ старшинѣ другую руку*). Дай мнѣ другой рубль!

Старшина (*достаетъ другой рубль*). Вотъ тебѣ и другой рубль, только помолись за меня!

Еся (*обращается къ оборвышамъ и даетъ каждому по рублю*). Берите ваши мѣшки и бѣгите скорѣе къ вашимъ дѣтямъ...

Оборвыши (*берутъ мѣшки, кланяются Есѣ*). Спасибо, спасибо, человѣкъ Божій! (*уходятъ*).

Алексѣичъ (*обращаясь къ Есѣ*). Аль несчастье какое у нихъ. (*Указываетъ по направленію оборвышей*).

Еся (*громко*). Величайшее несчастье.—Въ голодѣ сидятъ и другъ друга ѣдятъ. (*Дѣлаетъ повелительный жестъ*). Ну и вы всѣ ступайте! Да тоже скорѣй! (*Машетъ на нихъ мѣшкомъ*).

Старшина (*съ испугомъ*). Аль горе какое дома-то у насъ?

Еся. Охъ, великое горе! великое страданіе!! Такой стонъ идетъ на весь домъ, на весь то міръ! — Жена твоя дѣвочекъ сиротокъ насилуетъ... (*Алексѣичъ и Оомичъ спѣшно подбираютъ: стаканы, бутылки, кладутъ въ кузовъ. Алексѣичъ положилъ къ себѣ на плечо кузовъ*).

Старшина. Охъ, это мнѣ жена, жена! злѣе самого сатаны на выдумки...

Еся (*лѣвой рукой толкаетъ старшину; правой дѣлаетъ повелительный жестъ и въ изступленіи повелительно громко говоритъ*): Бѣги скорѣе! Защищай!... Ты старшина!! Ты сильный!... Если не ты, то кто защититъ??... Бѣги!!... Спѣши!! Защищай несчастныхъ!!... (*Обращается къ Оомичу и Алексѣичу, машетъ на*

нихъ). И вы бѣгите! бѣгите скорѣе!! Спѣшно бѣгите и помогайте спасать несчастныхъ... (*Всѣ убѣгаютъ; Еся за ними бѣжитъ и гонитъ мѣшкомъ. Минуту спустя является Мина съ двумя ведрами на коромыслѣ черезъ плечо, веселая, блестящая молодостью и здоровьемъ; подходитъ къ роднику; снимаетъ ведра; ставитъ ихъ около родника и коромысло рядомъ; снимаетъ платокъ съ головы; вѣшаетъ его на вѣтку березы; смотрится въ воду, расправляетъ волосы, любуясь собой. Обводитъ глазами рощу и радостно всплеснувъ руками и съ восторгомъ говоритъ*):

Мина. Ахъ, какъ здѣсь хорошо!.. Какой воздухъ!.. Сколько цвѣтовъ! — И всѣ издаютъ ароматъ... Кузнечики пилятъ; родникъ журчитъ.... Творецъ мой!!.. А птички-то какъ поютъ... И все-то здѣсь любить и наслаждается жизнью.... И я люблю!.... люблю природу, люблю цвѣты и весь міръ Божій... (*Срываетъ цвѣты и плететъ вѣнокъ*). О, какъ хорошо жить среди природы! — И быть царицей всѣхъ цвѣтовъ и всѣхъ твореній земныхъ. (*Надѣваетъ вѣнокъ на голову*). Творецъ разумно поступилъ, закончивъ творить женщиной.... (*Сильно*) Женщина вѣнецъ творенія Творца... Онъ прежде сотворилъ прекрасное жилище — эдемъ.... И когда все было прекрасно устроено, Онъ сотворилъ женщину. — Лучшее украшеніе рая.... Царицу міра.... (*Пауза*). Мнѣ здѣсь не достаетъ только Адама. . (*Пауза*). Ахъ Владиміръ! — Какъ-бы я хотѣла, чтобъ ты былъ моимъ Адамомъ... Какъ бы я хотѣла встрѣтить тебя въ этомъ раю... (*Съ легкой грустью*). Нѣтъ, ты не слышишь моихъ вздоховъ и не придешь на мой зовъ, потому — не знаешь меня, — и моей любви къ тебѣ.... Я въ тайнѣ сердца своего люблю тебя... И до тѣхъ поръ буду скрываться отъ тебя, пока не взойду на ту лѣстницу, на которой ты стоишь (*Нѣсколько веселье*). Теперь немного осталось ждать... Осенью буду держать экзаменъ на учительницу и тогда я буду равная ему, и мнѣ не стыдно будетъ бесѣдовать съ нимъ. — А пока надо скрываться бѣдной крестьянкѣ, и своимъ желаніямъ воли не давать. (*Пауза. Вдыхаетъ, снимаетъ*

вѣнокъ съ головы). Зачѣмъ мнѣ украшать себя цвѣтами??... Любова́ться мною некому! (Съ сожалѣніемъ смотритъ на вѣнокъ, качая головой). Бѣдные вы мои смиренные цвѣточки! Вы ужъ завяли. А давно-ли вы жили, цвѣли и любили, какъ я!? .. А я лишила васъ жизни... И сколько же я жизней загубила!? (Пауза). И только для того, чтобъ на нѣсколько часовъ украсить себя цвѣтами... Вы засохли! Мнѣ нужны другіе, третьи и т. д. И всѣ вы, безмолвно украшая мое тѣло, засохнете, поблекнете, не изживъ всей своей жизни... (Пауза). И это я? Я столько зла вамъ сдѣлала, чтобъ быть красивѣе другихъ... Даже не быть, а казаться.... О, человѣкъ! Какъ ты жестокъ! Высушивая и умерщвляя другихъ, ты создаешь себѣ богатства ... Украшаешь свою жизнь цвѣтами, какъ я. (Пауза. Съ грустью перебираетъ цвѣты; изъ за кустовъ показывается Владиміръ съ удочкой и рыбой; тихо крадется и тихо кладетъ удочку и рыбу на траву и остановясь смотритъ на Мину). Вы ужъ не живете больше!?... И это я столько жизней загубила?.... А я еще осуждала другихъ.... А я развѣ лучше ихъ!?... Я такъ-же, какъ и они, украшая себя цвѣтами, много жизней высушила; много лучшихъ соковъ изъ бѣдныхъ цвѣтиковъ выпила .. Вырывая ихъ изъ родной семьи, высушивая и уродуя, обрывая лепестки, бросала за окно... (Тяжело вздыхаетъ и цѣлуетъ вѣнокъ). Простите вы меня, мои кроткіе, безотвѣтные цвѣточки! Я больше не буду васъ срывать. (Подходитъ Владиміръ).

Владиміръ Красавица! кого ждешь съ вѣнкомъ въ рукахъ! Еслибъ ты мнѣ подарила его! если-бъ ты меня полюбила! Я всю жизнь-бы свою и себя самого отдалъ-бы тебѣ на вѣкъ...

Мина *(отъ неожиданности вскрикиваетъ; хватается за сердце; вѣнокъ падаетъ изъ рукъ къ ногамъ Владиміра; Владиміръ поднимаетъ его). Ахъ! Это вы, вы, Владиміръ Николаевичъ! Какъ-же я испугалась....*

Владиміръ *(въ сторону). Одинъ мой взглядъ, одно желанье и ея вѣнокъ въ моихъ рукахъ. (Минѣ). Вла-*

стительница души моей! Позволь мнѣ твоимъ же вѣнкомъ украсить твою голову. (*Протягиваетъ руку и хочетъ надѣть ей вѣнокъ. Мина, одной рукой отстраняя вѣнокъ, другой беретъ платокъ съ березы и накидываетъ его себѣ на голову; Владиміръ свободной рукой откидываетъ платокъ, а другой рукой надѣваетъ ей вѣнокъ, Мина, потупившись и краснѣя, еле шепчетъ*).

Мина. Оставьте меня, Владиміръ Николаевичъ! Оставьте пожалуйста! (*Смущенно смотритъ на Владиміра*).

Владиміръ (*любуясь ею*). Красавица! Все мое существо стремится къ тебѣ... Поцѣлуй меня! Я отдамъ тебѣ всю жизнь свою... (*Хочетъ обнять ее; Мина отступаетъ*).

Мина (*тихо*). Однако, какой вы невоспитанный. При первой встрѣчѣ съ дѣвушкой хотите обнять ее...

Владиміръ (*весело*). Я тебя часто встрѣчалъ и всегда интересовался тобой... Ты, какъ монахиня, низко закрываешься платкомъ и этимъ самымъ всегда возбуждала мое любопытство и даже любовь.

Мина (*насмѣшливо*). Любопытство и любовь.... Любовь и любопытство, что-то не понятно мнѣ?

Владиміръ. А вотъ, когда я поцѣлую тебя, тогда поймешь. (*Хочетъ обнять ее*).

Мина (*быстро съ испугомъ отскакиваетъ въ сторону*). Вы очень смѣлы и навязчивы.

Владиміръ (*съ задоромъ*). Дѣвушки любятъ смѣлыхъ, потому сами трусливы... Не будь мужчина смѣлъ, дѣвамъ не узнать бы сладость поцѣлуя... (*Тихо приближается къ Минѣ*). Ну, цѣлуй же, цѣлуй скорѣй....

Мина (*начинаетъ слегка кокетничать; тихо и съ насмѣшкой на лицѣ отодвигается отъ него и кокетливо говоритъ*): Никогда этому не бывать, никогда я не буду васъ цѣловать...

Владиміръ. Ой ли! Неужто никогда? Зачѣмъ трусишь? Вѣдь не слиняешь отъ моего поцѣлуя... Цѣлуешься-же ты съ парнями въ хороводѣ?..

Мина. Приходите въ Петровъ день въ хороводъ, я и васъ поцѣлую.

Владиміръ. До Петрова дня три недѣли, долго ждать, а ты теперь поцѣлуй.

Мина (серьезно). Довольно шутить; посмотрите, какъ ваша рыба бьется... Прирѣжьте ее, чтобъ не мучилась!

Владиміръ. Рыба живуча. Изъ нея всѣ внутренности вынешь, на огонь положишь, а она все жива. Да и вкуснѣе, когда живую жарятъ.

Мина (пожимая плечами). Не понимаю, какъ это рыба, если умерла на огнѣ отъ мученій, можетъ быть вкусна.

Владиміръ. Ну оставимъ этотъ разговоръ для старыхъ. Зачѣмъ намъ изображать собой стариковъ... Будемъ тѣмъ, чѣмъ есть.—Будемъ жить, любить и наслаждаться своею молодостью...

Мина. Нѣтъ! Вы оставьте свой разговоръ, а мой выслушайте. Вѣдь вы съ живого барана, какъ съ рыбы, не станете кожу снимать.—Онъ можетъ издохнуть отъ этихъ мученій и вы не станете его ѣсть. Потому вы хорошо знаете, что всякое живое существо отъ мученій и томленія теряетъ всѣ свои лучшія составныя части. Прирѣжьте скорѣй вашу рыбу!

Владиміръ. Что дѣлать, какъ не уважить такую красавицу! (Достаетъ изъ кармана перочинный ножъ; беретъ рыбу, подноситъ Минѣ). Гдѣ же рѣзать прикажешь?

Мина (указывая пальцемъ мѣсто, гдѣ рѣзать). Вотъ здѣсь, гдѣ соединяется спинка съ головкой. (Владиміръ рѣжетъ).

Мина. Видите! Она умерла моментально, даже быстрѣе, чѣмъ всякое животное.

Владиміръ (смотритъ на Мину съ недоумѣніемъ). Ты говоришь, какъ образованная.—Это тебя учитель твой такъ развилъ? Ну, я начинаю ревновать тебя къ нему.

Мина. Прежде надо полюбить, а потомъ ревновать. (Насмѣшливо). А вы когда же это успѣли полюбить меня?

Владиміръ. Сейчасъ полюбилъ!... Какъ увидалъ тебя во всей твоей красотѣ, такъ и полюбилъ...

Мина (*смѣясь*). Такъ быстро?

Владиміръ. Я горячій человѣкъ! — И все быстро дѣлаю: и влюбился быстро, и быстро подчинился твоему вліянію...

Мина. И желала бы вѣрить вамъ, да не вѣрится.

Владиміръ. Да развѣ дѣвушки могутъ вѣрить мужской любви, будучи сами такъ холодны?... За вами надо съ полгода ухаживать, чтобы получить поцѣлуй...

Мина. Да, конечно, пока мы не увѣрились въ истинной любви любимаго человѣка.

Владиміръ (*задорно*). Вовсе не любимаго! — А вы въ эти полгода свои расчеты ведете, какъ-бы выйти замужъ за него и выгодно-ли будетъ для васъ это замужество, и согласно этому ловко ведете свою тактику. А если ты не такая хитрая, какъ всѣ женщины, то не мучь меня; не заставляй меня полгода гоняться за твоимъ поцѣлуемъ. (*Бросается на колѣни*). Поцѣлуй же меня! Поцѣлуй скорѣе, дорогая моя!

Мина (*любовно и грустно*). Мнѣ стыдно за васъ, что вы такъ унижаетесь предъ крестьянкой!... Стыдно за себя, что я васъ невольно довела до униженія.... Простите меня. Я васъ люблю, но цѣловать не буду! Но также не хочу, чтобъ вы и унижались предъ мною... Встаньте и идите своей дорогой, а я пойду своей. (*Кланяется ему, беретъ ведра, подходитъ къ самому роднику и хочетъ брать воду*).

Владиміръ (*медленно встаетъ и говоритъ про себя*). Такъ вотъ оно что! Она меня любитъ! Надо воспользоваться моментомъ. (*Медленно приближается къ Минѣ и говоритъ съ энтузіазмомъ*). Минушка! Ты сейчасъ сказала, что любишь меня! Докажи-же свою любовь, поцѣлуй меня! — Я готовъ жениться на тебѣ, только надо подождать до Покрова....

Мина (*съ чувствомъ*). Эхъ! Владиміръ Николаевичъ! Вы то можетъ быть и женились-бы на мнѣ, да люди не велятъ....

Владиміръ. Какіе — такіе люди??

Мина. Дочь старшины, Дарья Андреевна не допуститъ.—Всѣмъ извѣстно, что она въ васъ влюблена, и также всѣмъ извѣстно, что за ней пятнадцать тысячъ приданаго.

Владиміръ. Я себя не продамъ за пятнадцать тысячъ! Ты мнѣ мила, на тебѣ и женюсь!... (*Умоляюще*). Обними-же меня, моя радость!! Поцѣлуй, какъ жениха!...

Мина (*сіяющая и счастливая*). Сладко мнѣ отъ такихъ рѣчей!— И хотѣла-бы я поцѣловать васъ, да дѣвичій стыдъ мѣшаетъ...

Владиміръ (*радостно*). Такъ я самъ поцѣлую, коль тебѣ стыдно! На то я и мужчина!.... Этакъ ты и женой будешь стыдиться, а я страдай изъ-за твоего стыда. (*Порывается обнять ее; Мина смѣется и быстро отбѣгаетъ въ сторону. Владиміръ бѣжитъ за нею; минуты двѣ они бѣгаютъ и рѣзвятся, какъ дѣти; Мина съ разными увертками подзадориваетъ его.*

Мина. Ахъ, какъ весело!—Точно въ горѣлки играемъ... (*Подбѣгаетъ къ ведрамъ; беретъ ихъ и бѣгаетъ съ ними; потомъ запыхавшись, останавливается; Владиміръ, подбѣжавъ къ ней, хочетъ обнять ее; Мина, вытянувъ руки съ ведрами впереди себя, машетъ ими во всѣ стороны, защищаясь отъ объятій Владиміра и строго говоритъ*). Не троньте меня!— А то я за себя не ручаюсь...

Владиміръ (*опышивъ*). Я тебѣ предложеніе дѣлаю; жениться на тебѣ хочу, а ты бѣгаешь отъ меня, да еще драться хочешь... Аль я противенъ тебѣ? Скажи прямо, не мучь меня!...

Мина (*съ душой*). Владиміръ Николаевичъ! Вотъ уже годъ, какъ я люблю Васъ, но внутренній голосъ запрещаетъ приближаться къ вамъ.— Онъ тихо и любовно, какъ мать, шепчетъ мнѣ: не подходи..... Этотъ голосъ души не разъ спасалъ меня отъ несчастій, если я повиновалась ему. А если я слушала другой голосъ, кричащій, который своимъ громкимъ крикомъ всегда заглушалъ внутренній голосъ и если я повиновалась ему, этому крикуну, громилѣ, разрушителю, то всегда была несчастна.—Этотъ голосъ—врагъ мой! И я не

послушаю его, какъ онъ не шуми. Я хочу, чтобы мы были счастливы въ своей любви...

Владиміръ. Другой-то голосъ крови твоей! Это кровь твоя шумить и кричить на всѣ голоса: приблизься и люби его...

Мина (*уныло*). Можетъ это и кровь кричить во мнѣ, но я знаю, худо будетъ мнѣ, если духъ не побѣдитъ крови.—Она иногда заставляетъ меня: гнѣваться, раздражаться, мстить и желать даже дурного другимъ...

Владиміръ. То я дивился твоей красотѣ, теперь дивлюсь твоему уму.

Мина (*дружески*). Не обращайтесь вниманія: ни на красоту мою, ни на умъ. а будьте такъ добры, подайте мое коромысло и платокъ! (*Указываетъ по направленію родника*). Вонъ у родника валяются.

Владиміръ. Съ величайшей охотой. (*Идетъ къ роднику про себя говоритъ*): вотъ такъ дѣвка! Умнѣе да и образованнѣе барыни... (*Поднимаетъ платокъ и коромысло; возвращается; подаетъ Минѣ и нѣжно смотритъ ей въ глаза*)...

Мина (*про себя, пока Владиміръ ходитъ*). Эхъ, не ушла-бы отсюда! Все бы смотрѣла ему въ очи. Все бы играла и пѣла съ нимъ!... (*Потомъ беретъ у Владиміра коромысло; улыбаясь смотритъ ему въ глаза*). А платочекъ положите въ ведро, вмѣсто воды понесу.

Владиміръ. Давайте ведра! Я налью вамъ воды... Не бойтесь, я успокоился! Вы охладили меня вашей умной рѣчью... (*Тихо снимаетъ съ ея рукъ ведра; Мина смотритъ на него молчаливо-грустными глазами*). Не смотрите на меня такъ! Вы все убиваете во мнѣ этимъ взглядомъ. (*Идетъ къ роднику и про себя*). Ну, и дѣвка! это волшебница, сколько чаръ въ ней, сколько переменъ за полчаса!... (*Черпаетъ воду*).

Мина (*облокотившись на коромысло и провожая его глазами грустно, но съ чувствомъ запѣла*): „Хорошо было дѣтинушкѣ—сыпать ласковы слова! Да трудненько бѣдной Минушкѣ—парня ждать до Покрова!“... (*Потомъ задумавшись, ждетъ его*).

Владиміръ. Трудненько, такъ сейчасъ любви! Опять она разожгла меня! (*Хватается за сердце*). Опять заиграло ретивое! Никакъ не могу совладать съ собою... (*Беретъ ведра и спѣшно идетъ къ Минѣ; ставитъ ведра передъ Миной и запыхавшись, хватается за сердце*). Ой, какъ я усталъ! Сердце то сильно бьется, то замираетъ...

Мина (*съ задорной улыбкой*). А я думала, вы до дому донесете мнѣ ведра, а вы ишь какой слабенькій!

Владиміръ. А, ты насмѣхаешься надъ мной! (*Быстро схватываетъ Мину, крѣпко держитъ обѣими руками. И пока она не пришла въ себя отъ неожиданности, онъ жадно цѣлуетъ ее въ губы; Мина придя въ себя, вертитъ головою во всѣ стороны; онъ цѣлуетъ ее, гдѣ попало.—Наконецъ Мина, высвободивъ одну руку, защищаетъ ею, отталкивая его лицо отъ своего; это его сильно раздражаетъ; Мина ослабѣла въ борьбѣ ея руки, какъ плети, опустились; голова свѣсилась съ его руки. Вбѣгаетъ Еся*).

Еся (*глуповато*). Брось, брось! Мертвая она, она мертвая! (*Освобождаетъ Мину, отталкиваетъ Владимира, Владимиръ вздрогнулъ, какъ бы спросонья, безумно обводитъ глазами; Мина дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ*). У-у-у! Какъ дрожишь! Бѣги отъ него! Смотри, онъ безумный сталъ! (*Указываетъ на Владимира*).

Мина (*оправившись отъ испуга, смотритъ на Владимира съ укоромъ, потомъ съ испугомъ хватается Есю за руку, трясетъ ее*). Еся, голубчикъ! Скажи, что съ нимъ??... Отчего онъ такъ дрожитъ и безумно смотритъ?... Онъ не нормаленъ!? Онъ съ ума сошелъ?!

Владиміръ (*придя въ себя*) Да, сошелъ съ ума!.... Отъ васъ. Это вы меня съ ума свели!... Но я васъ прощаю! Простите и вы меня за несдержанность.... Я не виноватъ! Я не могъ совладать съ собою. Я тѣломъ силенъ, а духомъ слабъ... (*Бросается на колѣна передъ Миной и съ рыданьемъ хватается ея колѣни; Мина тихо отступаетъ назадъ*). Простите меня! Не

отходите отъ меня!! Побудь со мною, успокой меня! Улыбнитесь мнѣ .. Я обезумѣлъ совсѣмъ...

Еся (*быстро поднимаетъ платокъ и бросаетъ его на плечи Минь*). Спрячь! Спрячь свою красоту отъ него! И бѣги, бѣги отъ него. (*Толкаетъ ее*). Бѣги скорѣй! (*Быстро беретъ коромысло, продвигаетъ между ведерными ручками; кладетъ себѣ на плечо; хватается Мину за руку и тянетъ ее*).

Владиміръ. Я люблю, люблю тебя! Сжался-же! Не бѣги отъ меня!! Я умру безъ тебя!!...

Мина (*со слезами на глазахъ*). Еся! Мнѣ жаль его, мнѣ хочется плакать, рыдать. — Отъ чего — не знаю. — Иль его ненормальность сообщилась мнѣ?...

Еся. Бѣжать, бѣжать отъ него!!... (*Быстро убѣгаетъ, увлекая за собою Мину. Владиміръ отчаянно ломаетъ себѣ руки; разрываетъ воротникъ рубашки; судорожно рветъ траву, отбрасываетъ ее въ разныя стороны; падаетъ ничью на землю и истерично рыдаетъ*)...

Занавѣсъ.

Дѣйствіе 2-е.

Та же обстановка. Три часа пополудни. Праздникъ — Петровъ день. Владиміръ прохаживается по полянѣ.

Владиміръ. Нынѣ Петровъ день. — Дѣвушки придутъ сюда игры играть.... Придетъ ли она, моя желанная, моя Минушка .. Послѣ встрѣчи у родника я не видалъ ее. — Она съ тѣхъ поръ никуда не выходитъ, какъ будто боится встрѣтиться со мной. Даже въ церковь перестала ходить, а я всѣ эти три недѣли съ утра до глубокой ночи сидѣлъ у родника и все думалъ: вотъ придетъ моя богиня за водой и я заполоню ее, и она будетъ моей покорной рабой, а вышло наоборотъ. (*За-*

думывается). Я рабъ ея! Я въ плѣну у ней, а она моя царица... (Пауза. Потомъ, тряхнувъ головой). Ну, да это теперь такъ, а когда она будетъ моей — роли переменяются... Но скоро-ль настанетъ то время, когда она меня будетъ поджидать и будетъ такъ же томиться, какъ я томлюсь и страдаю по ней. (Пауза). Ни одну я такъ не любилъ, какъ ее люблю; ни объ одной я не страдалъ, не плакалъ. — Я только забавлялся ихъ беззавѣтной любовью и спокойно уходилъ безсовѣстно бросая ихъ, какъ ненужную вещь... А теперь что со мною? — Самъ не знаю... И радуюсь, что полюбилъ и плачу. (Пауза). Въ одно и то же время и счастливъ и несчастливъ. — И мучаюсь, мучаюсь безъ конца.... Но не хочу избавиться отъ этихъ мукъ. — Онѣ дороги мнѣ: Я въ первый разъ въ жизни испытываю такія сладостныя муки.... И это Минодора дала мнѣ столько мучительно сладостныхъ минутъ... О, приди-же, приди, моя желанная! Приди и полюби меня!... Я жду тебя!... Я жажду твоихъ поцѣлуевъ!!... Твоей любви я жажду!... Я весь истомился, весь изстрадался... Приди-же, приди, моя желанная! (Вбѣгаетъ Дарья Андреевна съ плетеной корзиной въ рукахъ; въ корзинѣ: зелень и земляника. Бросаетъ корзину на землю и сама бросается Владиміру на грудь).

Дарья. Наконецъ-то я нашла тебя, Владиміръ! (Прижимается и ласкается).

Владиміръ (растерявшись). Вотъ не ожидалъ-то! Съ кѣмъ ты здѣсь?

Дарья. Съ Павломъ землянику собираемъ.

Владиміръ (отступая). А ты обнимаешься со мной? Вѣдь онъ увидитъ насъ!?

Дарья. Онъ на другой полянѣ остался дѣвокъ стеречь... Не бойся-же! Цѣлуй, обнимай свою Дашу и дѣлай съ ней, что хочешь... Я твоя собачка. (Ласкается какъ кошечка). Уйдемъ отсюда подальше въ чащу лѣса, а то скоро сюда дѣвки придутъ хороводы водить..... Пойдемъ скорѣе! (Прижимается къ нему).

Владиміръ (указывая на лежащее дерево). Нѣтъ, сядемъ здѣсь на дерево, а то братъ твой хватится

тебя.—Нехорошо. (*Освобождается отъ нея и идетъ къ дереву. Дарья за нимъ. Садятся. Дарья беретъ его голову, кладетъ себѣ на грудь и всячески ласкаетъ его*).

Владиміръ (*равнодушно*). Довольно, Даша,—оставь! Увидятъ. Въ лѣсу глазъ много...

Дарья. Да што ты!? Я тебя цѣлыхъ три недѣли не видала. Истомилась вся, а тебѣ не жалко меня.... Вотъ не оставлю-же! (*Быстро, нѣсколько разъ цѣлуетъ его и ласкаетъ руками: то лицо, то руки, то плечи. — Все это продѣлываетъ быстро*).

Владиміръ (*вставая*). Ну какая-же ты невоздержная!... Вѣдь тутъ бабы землянику собираютъ.

Дарья. Вѣдь говорю тебѣ, уйдемъ отсюда!

Владиміръ (*съ сердцемъ*). Зачѣмъ намъ уходить отсюда! Здѣсь такъ хорошо. — Только ты будь поскромнѣе...

Дарья (*смотритъ на него вопросительно*). Да ты што, боленъ чтоль? Я смотрю-ты исхудалъ, почернѣлъ, на себѣ не похожъ сталъ ..

Владиміръ. Боленъ, не боленъ, а и самъ не знаю, что со мной...

Дарья (*съ упрекомъ*). Гдѣ ты пропадалъ эти три недѣли? Я разъ десять посылала за тобой и сама разъ пять была у тебя.—Все дома нѣтъ. Дворня говоритъ: — ты съ ранней зари до поздней ночи дома не бываешь; не спишь и ничего не ѣшь. (*Пауза*). Мнѣ не радъ и на мои ласки не отвѣчаешь... Аль другую нашелъ себѣ?

Владиміръ (*съ ироніей*). Ты развѣ не выдумашь!? Гдѣ найдешь такую, какъ ты? Сама взяла меня и сама ходишь ко мнѣ на квартиру.— Даже не спрашиваешь меня,—желаю я этого, или нѣтъ!?... Такъ прямо приступомъ и берешь.

Дарья (*вскакиваетъ и злобно смотритъ*). Да ты што это? смѣяться надо мной вздумалъ!?

Владиміръ (*грустно, какъ-бы жалъ о случившемся когда-то*). Я не смѣюсь, а говорю грустную

правду. Вспомни!—Развѣ я тебя атаковывалъ? Я не смѣлъ думать о такой богачкѣ и не ожидалъ этого отъ тебя... Ты первая, какъ сейчасъ набросилась на меня. Я конечно не могъ устоять отъ такого соблазна.—Я мужчина...

Дарья (*сжимая кулаки и трясясь отъ злобы*). Тогда не устоялъ, а сейчасъ устоялъ!? Ну, я не позволю тебѣ издѣваться надо мной... Это вамъ, милостивый государь, не съ крестьянскими дѣвками разговаривать такъ.— Это только ихъ вы можете бросать, когда вамъ вздумается, а я заставлю тебя жениться на мнѣ... Нынѣ же скажу отцу своему и напишу твоему хозяину — графу, что ты обольстилъ меня и я скоро буду матерью.

Владиміръ (*равнодушно*). Что-жъ, пиши скорѣе!

Дарья. А! Ты вотъ какъ поступать сталъ со мной!? Я теперь не нужна тебѣ стала!? Ты другую себѣ нашелъ... Охъ, только-бы узнать —кто она! — Со свѣта сживу! Изуродую! Отравлю! На все пойду! Жизни своей не пощажу, а разлучницу свою уничтожу... (*Вдругъ истерично зарыдала*).

Владиміръ (*блѣднѣя смотритъ на нее, потомъ тихо кладетъ свою руку ей на плечо*). Даша, что ты!? Я пошутилъ, не волнуйся такъ! Прости меня. (*Цѣлуетъ ее въ щеку*).

Дарья. Я все прощу тебѣ, но помнить буду. — Этого забыть нельзя. (*Плачетъ*).

Владиміръ (*нѣжно*). Ну, не плачь! не плачь же! Я все, что хочешь сдѣлаю, только не плачь!...

Дарья (*обнимая его*). Успокой меня! Женись на мнѣ скорѣе!

Владиміръ. Ну, конечно, женюсь! Какъ не жениться то? Ради будущаго ребенка надо жениться... (*Въ этотъ моментъ подходитъ Павелъ Андреевичъ*).

Павель. Ну, Дарья! Тебѣ везетъ. Три года подрядъ вижу тебя въ объятіяхъ у разныхъ ребятъ, а мнѣ одну Минодору не удастся никакъ обнять.

Дарья. Ахъ, дуракъ, дуракъ! Што ты плетешь на сестру родную.

Павель. Будя толковать то! Пойдемъ къ отцу на расправу. (*Беретъ ее за руку и тянетъ. Дарья съ силой отталкиваетъ его*).

Павель (*повелительно*). Говорю тебѣ, идемъ на расправу! Будешь ты у меня говорить худо про Минодору.

Дарья (*толкая его*). Иди, дуракъ, къ своей Минодорѣ, а я здѣсь останусь съ Владиміромъ Николаевичемъ.

Владиміръ (*вопросительно смотритъ на Дарью*). Какъ къ своей Минодорѣ? Развѣ онъ женихъ ея?

Дарья. Онъ хотѣлъ на ней жениться, да отецъ не велѣлъ...

Павель. А все отъ тебя, сестрица! Ты наговорила отцу,—будто она съ писаремъ гуляетъ.

Дарья. Я сама видѣла ее съ нимъ! Видѣла, какъ они обнимались.

Павель. Это ты отъ зависти плетешь на нее, чтобы около тебя не было такой красавицы... Не вѣрьте ей, Владиміръ Николаевичъ! Всѣ знаютъ, какъ скромна Минодора... (*Тянетъ Дарью за руку*). Ну, ну, пойдемъ къ отцу! Я скажу ему, кто обнимается съ парнями... Я все видѣлъ! Изъ-за кустовъ подсмотрѣлъ за тобой...

Владиміръ. Оставьте, Павель Андреевичъ! Не говорите отцу!

Павель. Развѣ васъ пожалѣть, не говорить... Ну, ладно! Ничего не скажу, а Дарью все-таки уведу отъ васъ, а то она у насъ вся въ отца. Очень ужъ влюбчива... (*Кланяется ему и уходя уводитъ Дарью за руку*).

Дарья (*уходя грозитъ кулакомъ, но кому — понять трудно: Павлу или Владиміру*). Ну ладно! Погоди-же, я это тебѣ попомню, дружокъ!... Все будетъ по моему, какъ захочу, такъ и будетъ...

Владиміръ (*качая головой*). Вотъ дуракъ-то! Да и Дарья Андреевна хороша! (*Гяжело вздыхаетъ*). И я долженъ жениться на ней, долженъ жить съ такими

людьми... Ахъ, Дарья Андреевна! Какъ-же ты опротивѣла мнѣ! Какъ опостылѣла!... Вдругъ какую-то отраву влила въ мою душу... А про Минодору какъ говоритъ! (*Вздыхаетъ. Вдали слышенъ смѣхъ дѣвушекъ*). Какъ быть мнѣ теперь!? Какъ жениться на постылой?... Я люблю Минодору. (*Задумывается*). Ахъ! Минодора, Минодора!—Не знаешь ты, что я жду тебя здѣсь! Не знаешь, какъ тебя желаю!.. Даже рѣшаюсь играть въ хороводы для тебя... О, Минодора!...

Маланья (*вбѣгаетъ*). Вотъ и мы пришли.

Владиміръ. А Минодора съ дѣвушками?

Маланья. Съ дѣвушками. Насилу-то я ее вытащила изъ школы. Отвыкла, говоритъ, „я играть въ хороводахъ“. Да ужъ крестный, учитель, говоритъ: „Ну поди что-ль, позабавься, освѣжись въ играхъ!“ (*Входятъ дѣвушки, парни. Смѣются и играютъ другъ съ другомъ*).

Маланья. А я тутъ Владиміра Николаевича уговариваю играть съ нами!—Онъ не брезгуетъ нами, соглашается играть.

Пастухъ (*выступая*). Да ты хоть кого уговоришь!..

Дѣвушки и парни. Вотъ хорошо-то! Владиміръ Николаевичъ будетъ играть съ нами. Вотъ весело-то будетъ...

Владиміръ (*весело*). Такъ вы рады, что я буду съ вами хороводы водить?...

Парни и дѣвушки. Рады! рады! рады!...

Владиміръ (*достаетъ деньги и высоко бросаетъ ихъ*). Вотъ вамъ на гостинцы! (*Всѣ хохочутъ, кланяются и подбираютъ деньги*).

Пастухъ (*Владиміру*). Хошь ты, баринъ и бросаешь деньги пригоршами, а Маланью я тебѣ въ пару не отдамъ. Я для нея стадо оставилъ на одного подпаска...

Всѣ въ одинъ голосъ. Минодора ему пара будетъ! Оба красавцы...

(*Маланья беретъ за руку Мину, подводитъ ее къ Владиміру. Владиміръ, снимая фуражку, кланяется ей - Минѣ. Мина, улыбаясь, тоже кланяется*

и беретъ его за руку. Всѣ парни и дѣвки тоже берутъ другъ друга за руки и составляютъ кругъ. Маланья ходитъ въ серединѣ круга. Пастухъ ходитъ за кругомъ. Всѣ поютъ хороводныя пѣсни).

Вдоль по морю, вдоль по морю,
Вдоль по морю, морю синему.
По синему, по синему, по синему,
По синему по волнистому,
По синему по волнистому.

Плыветъ лебедь, плыветъ лебедь
Плыветъ лебедь съ лебедятами
Со малыми со дѣтями.

Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,
Гдѣ ни взялся младъ сизой орелъ

(Пастухъ, все время ходившій за чертой круга, въ это время входитъ въ кругъ и ухаживаетъ за Маланьей).

Гдѣ ни взялся младъ сизой орелъ
Гдѣ ни взялся младъ сизой орелъ.
Ушибъ, убилъ, ушибъ, убилъ,
Ушибъ, убилъ лебедушку, лебедушку бѣлую.

(Въ это время пастухъ — ударяетъ Маланью платкомъ по плечу).

Ушибъ, убилъ лебедушку бѣлую.

Маланья (остановясь и громко). Надоѣла эта пѣсня! Скучная она... Давайте ленъ сѣять! — Это — самая веселая игра...

Всѣ въ одинъ голосъ. Давайте, давайте ленъ сѣять! (Каждый парень беретъ свою дѣвушку за обѣ руки и становятся другъ противъ друга колонами. Протянутыя руки ихъ изображаютъ собой разостланное полотно. На всѣхъ лицахъ: радость и захватывающее веселье. Поютъ, приплясывая ногами).

Ужъ мы сѣяли, сѣяли ленокъ,
Ужъ мы сѣяли, приговаривали
2 раза. Чеботами приколачивали
Съ боку на бокъ переворачивали.

(Когда поютъ — „чеботами приколачивали“, то разнимаютъ руки и треплютъ въ ладоши и прито-

пываютъ одной ногой. Когда-же поютъ:— „съ боку на бокъ переворачивали“,— схватываются опять за руки и каждый съ своей парой кружатся вокругъ себя два раза, не переставая пѣть. И опять изображая полотно).

Уродися, уродися, мой лень,
Уродися мой бѣленькій,
Не жури-жъ меня миленькій.

Лень мой лень,
Бѣлый лень.

Ужъ мы пололи, пололи ленокъ,
Мы пололи, приговаривали;
Чеботами приколачивали,
Съ боку на бокъ переворачивали.

Лень мой пригорѣлъ,
Бѣлый пригорѣлъ.

Ужъ мы мочили, мочили ленокъ,
Мы мочили, приговаривали,
Чеботами приколачивали,
Съ боку на бокъ переворачивали.

Лень мой лень,
Бѣлый лень.

Ужъ мы трепали, трепали ленокъ,
Мы трепали приговаривали;
Чеботами приколачивали,
Съ боку на бокъ переворачивали.

Лень мой лень,
Бѣлый лень.

Ужъ мы чесали, чесали ленокъ,
Мы чесали, приговаривали,
Съ боку на бокъ

Лень мой лень,
Бѣлый лень.

Ужъ мы ткали, ткали ленокъ,
Ужъ мы, ткали, приговаривали.....

(Верхъ оживленія. Разнявъ руки, каждый изображаетъ руками челнокъ съ ниткой, бѣгающій въ ткацкомъ станкѣ).

Чеботами приколачивали,
Съ боку на бокъ переворачивали.
Ужъ ты ткися, ткися, ленокъ;
Ужъ ты ткися, мой бѣленькій,
Поцѣлуй меня миленькій.

(Каждый парень цѣлуетъ свою дѣвушку, потомъ всѣ расходятся. Сцена нѣсколько минутъ остается пуста. Слышатся отдаленные звуки скрипки. Являются пастухъ съ Маланьей обнявшись).

Пастухъ. Зазнобушка моя! Какъ-то я буду разставаться съ тобой, когда твой мужъ придетъ изъ солдатчины...

Маланья. И што ноешь о томъ, что будетъ потомъ. Вѣдь намъ сейчасъ хорошо живется, а ты портишь это хорошее дурнымъ воспоминаніемъ... (Садятся на сломанное дерево).

Пастухъ. Правда твоя, Малаша! Надо бы изъ хорошаго настоящаго сдѣлать еще лучшее будущее.

Маланья. А ты вотъ не умѣешь! Ты хорошее-то взялъ и заслонилъ плохимъ. Изъ подъ плохого хорошаго-то и не чувствуется.

Пастухъ. Ужъ такой я несчастный человѣкъ! — Вотъ ужъ какъ сладко мнѣ бываетъ, когда ты меня цѣлуешь, а какъ вспомню, что ты допрежъ меня такъ-же цѣловала и миловала другого. — Такъ горькая горечь и разольется во мнѣ...

Маланья. То-то не надо смѣшивать одно съ другимъ. — Хорошее съ плохимъ...

Пастухъ. Ну, будя наставленія-то читать! Пойдемъ на бережокъ, посидимъ поближе къ скрипкѣ. — Ишь, какъ славно играетъ: то хохочетъ и смѣется; то заплачетъ, зарыдаетъ...

Маланья. Это учитель — Александръ Гаврилычъ надрываетъ свою одинокую душу. — Онъ каждый вечеръ такъ играетъ и всегда надъ рѣкой. (Уходятъ. Проходятъ парень съ дѣвушкой; парень шепчетъ ей на ухо. Уходятъ. Звуки скрипки чарующе раздаются по лѣсу. Владиміръ съ Миной входятъ рядышкомъ).

Владиміръ. Да, дорогая моя! Взаимная любовь и бракъ есть такое великое и святое таинство, что самъ служитель Бога въ храмѣ благословляетъ любящихъ и безъ препятствій разрѣшаетъ имъ любить другъ друга... И всему міру объявляетъ о ихъ любви. — Призываетъ Бога въ помощники брачущимся. — Слѣдовательно: лю-

бовъ чиста, свята и величественна, если о ней объявляютъ въ храмахъ... Слѣдовательно ничего нѣтъ предосудительнаго или дурнаго, если мы любимъ другъ друга. И тебѣ не зачѣмъ удерживать и таить свою любовь. (*Тихо и боязливо слегка притягиваетъ ее къ себѣ и цѣлуетъ въ щеку*).

Мина (*слегка отстраняется отъ него и дѣтски счастливо смотритъ ему въ глаза*). Нѣтъ, я не хочу скрывать своей любви отъ людей! Скрываютъ что-либо дурное, а такое святое, великое чувство, Богомъ ниспосланное мнѣ, всему міру объявлю, что я люблю, люблю, люблю...

Владиміръ (*беретъ ее за лѣвую руку*). Дорогая моя! Будь-же отрадой мнѣ въ жизни!... (*Цѣлуетъ ея руку*). Люби меня!! Люби такъ, какъ я люблю тебя всѣмъ существомъ своимъ!... И мы будемъ безконечно счастливы...

Мина (*рука съ рукой Владиміра дѣтски улыбаясь смотритъ ему въ глаза*) Люблю!! Всѣмъ существомъ своимъ люблю! Пойдемъ же скорѣй скажемъ всѣмъ, что мы любимъ..... Пойдемъ и объявимъ всему міру, какъ мы счастливы, любя другъ друга. (*Свободной рукой дѣлаетъ жестъ вверхъ*) Птички! Слушайте! Мы любимъ другъ друга истинно и счастливы своей любовью!! Самъ Богъ даетъ такую любовь... Пойте же и торжествуйте съ нами!! Пойте гимнъ хвалы Творцу. (*Раздаются трели соловья и весь лѣсъ оглашается пѣніемъ птицъ*).

Владиміръ (*правой рукой держа руку Мины, лѣвой дѣлаетъ торжественный жестъ вокругъ*). Смотри, весь лѣсъ оживился и возрадовался! Вся природа ликуетъ и торжествуетъ съ нами!... А во мнѣ?—Во мнѣ что совершается? Не умѣю высказать, а только чувствую, для меня открывается новая жизнь,—невѣдомая доселѣ! И это твой образъ, твоя душа чистая перерождаетъ меня... Твоя любовь такъ могуча! такъ свѣтла, что разомъ освѣтила мою мрачную душу. И породила во мнѣ новую любовь, болѣе свѣтлую, чѣмъ была раньше... Вѣришь-ли, что я говорю? (*Покрываетъ по-*

цѣлуя ми ея руку). Вѣришь-ли, что я одного хочу!? Чтобъ ты была еще счастливѣе. Хочу, чтобъ ты была еще ближе ко мнѣ! Хочу, чтобъ вселиковало въ тебѣ, какъ во мнѣ ликуеть... Вѣришь-ли? я хочу полнаго торжества любви! въ настоящемъ и будущемъ. (*Цѣлуетъ ея руку и не выпуская руки съ восхищеніемъ смотритъ ей въ лицо*).

Мина (*рука съ рукой Владиміра*). Вѣрю въ твою любовь ко мнѣ! Вѣрю въ близость счастья нашего, въ ясную даль будущаго... (*Сильно*). Въ добро, въ правду, въ людей я вѣрю!! .. и безъ всякихъ сомнѣній всю жизнь свою и душу отдамъ тебѣ! И ты будешь руководить мной.

Владиміръ (*не выпуская руки Мины и свободной рукой дѣлаетъ жестъ вверхъ и торжественно говоритъ*): Всѣ птицы! Вся природа пируйте со мной... (*Поднимаетъ руку Мины вверхъ*). Я нашелъ себѣ подругу желанную!! ... Любящую!! вѣрящую!! (*Прижимаетъ ее къ себѣ и цѣлуетъ въ щеку*). Я не отдамъ тебя другому. Ты нужна мнѣ!... Нужна для обновленья!!... (*Цѣлуетъ*). Склонись-же мнѣ на грудь! Согрѣй мое одинокое сердце! (*Смотритъ ей въ глаза и беретъ за руку*) Ты самой судьбой предназначена мнѣ... Ты живешь въ моей душѣ, какъ госпожа.—Хочу и я жить въ твоей душѣ, какъ господинъ..

Мина (*не отнимая руки*). Твой образъ давно живетъ въ храмѣ души моей и нынѣ въ этомъ храмѣ: „свѣтлый праздникъ“. Все освѣтилось тысячами огней! Все поетъ! Все ликуеть и торжествуетъ! Все цвѣтами благоухаетъ! И я, какъ невѣста... И ввѣряю тебѣ судьбу свою, какъ жениху, какъ другу и господину своему. (*Цѣлуетъ его въ щеку и стыдливо прячетъ лицо свое у него на груди*).

Владиміръ (*обѣими руками беретъ ея голову и смотритъ ей въ глаза*). Нѣтъ, не такъ! Не въ щеку, а въ губы цѣлуй! — Долгимъ, длительнымъ поцѣлуемъ! (*Держа ея голову цѣлуетъ нѣсколько разъ. Мина потупившись и краснѣя тихонько отстраняетъ его руки и отступаетъ отъ него, Владиміръ вновь приб-*

лижается и обнимаетъ ее). Нѣтъ, еще поцѣлуй! Цѣлуй такъ, чтобъ замереть въ поцѣлуѣ!... Чтобъ твоя душа слилась съ моей душой въ одну душу, чтобъ жизнь твоя слилась съ моей жизнью. (*Притягиваетъ ее къ себѣ и цѣлуетъ долгимъ поцѣлуемъ*).

Мина (*положивъ руку на плечо Владиміра*). Дорогой мой! Какъ властно и неотразимо что-то влечетъ меня къ тебѣ... Какой восторгъ охватываетъ все мое существо... Ни высказать, ни выразить словами нельзя! Ихъ нѣтъ болѣе у меня. (*Склоняетъ голову на плечо Владиміра. Онъ прижимая ее, цѣлуетъ, Мина, отклонившись и отступая, беретъ его за руку*). Владиміръ! Какъ прекрасна жизнь... Какъ всеильна и могущественна любовь. (*Цѣлуетъ руку Владиміра*). Хочется пѣть о ней; хочется всѣмъ сказать, какъ сладко (*прижимаетъ руку къ сердцу*) бьется сердце... А душа несется: далеко, далеко въ небеса. (*Поднимаетъ руку вверхъ*). Отъ полноты неземного блаженства (*дѣлаетъ жестъ*) весь міръ хочу обнять! Всѣхъ людей—братьевъ хочу лобызаты!... Со всѣми хочу дѣлиться своей любовью, своей радостію... (*Беретъ Владиміра за руку и тянетъ его*). Пойдемъ-же скорѣе къ людямъ! Подѣлимся съ ними своимъ торжествомъ, своею радостію...

Владиміръ. (*Кладетъ свою правую руку на правое плечо Мины и притягиваетъ ее къ себѣ; лѣвою рукою беретъ ея правую руку. И такъ стоятъ рядомъ бокъ о бокъ, опустивъ соединенныя руки внизъ. Владиміръ съ упоеньемъ говоритъ и время отъ времени прерываетъ рѣчь свою поцѣлуями. Мина, склонивъ голову на плечо Владиміра, слушаетъ, какъ очарованная*). Подожди, дитя! Не спѣши дѣлиться съ людьми.—Я боюсь они отнимутъ тебя у меня... Боюсь сглазятъ мое счастье и не дадутъ мнѣ насладиться вполнѣ моей любовью... Ты только вѣрь мнѣ! И всецѣло положишь на мою сильную любовь къ тебѣ.—И ты будешь еще счастливѣе! Твой праздникъ будетъ еще свѣтлѣе! Ароматы цвѣтовъ твоихъ разольются еще благоуханнѣе! И ликование перейдетъ въ священный трепетъ... Вѣрь! Я дамъ тебѣ новую жизнь!! Я перелью въ тебя все то,

чѣмъ самъ живу! .. Отуманю нѣгой томленья!... Зачарую поцѣлуями и усыплю въ своихъ объятіяхъ... И ты узнаешь всю власть моихъ чаръ!! Всю силу любви моей узнаешь... Я погружу тебя въ кипучее море моей страсти! Подниму въ голубую высоту! И мы полетимъ съ тобой на седьмое небо блаженства... (*Мина крѣпко обнимаетъ его шею и цѣлуетъ. Владиміръ покрываетъ лицо ея поцѣлуями; беретъ на руки и несетъ не болѣе трехъ шаговъ какъ опускается занавѣсъ. Звуки скрипки все еще раздаются*).

Дѣйствіе 3-е.

Дѣйствіе происходитъ великимъ постомъ. Воскресенье. 10 ч. утра.

ОБСТАНОВКА.

Небольшая комната въ четыре окна. Въ задней стѣнѣ дверь къ учителю; на право печь и дверь въ комнату Мины; на лѣво дверь наружу и окна. Парты стоятъ на лѣвой сторонѣ въ одинъ рядъ. Въ лѣвомъ углу большая классная доска, исписана мѣломъ; у печки скамья и половая щетка, на скамьѣ тряпка; у наружной двери вязанка дровъ.

Алексѣичъ (*входитъ изъ наружной двери, снимаетъ шапку; топчется съ ноги на ногу: — крякнулъ, кашлянулъ, стучитъ кнутомъ о парту и протяжно зоветъ*): Александръ Гаврилычъ... лошади готовы.

Ученовъ (*выходитъ изъ своей комнаты*). А, здравствуй, Алексѣичъ!

Алексѣичъ (*низко кланяясь*). Здравствуй, батюшка Александръ Гаврилычъ! Съ праздникомъ вашу милость!

Ученовъ. Благодарю другъ! И тебя съ праздникомъ. Присядь голубчикъ! Я тебѣ водочки поднесу на дорожку. Дай только крестница отъ обѣдни придетъ. — Я хочу ее

взять съ собою, а то она засидѣлась что-то, никуда не выходить.

Алексѣичъ. Отъ чего бы это молодой дѣвкѣ дома сидѣть?

Ученовъ. Учится другъ мой! Ночей не спить!—Въ маѣ экзаменъ будетъ держать на учительницу.

Алексѣичъ. Слыхалъ! Отъ того-то наши дѣвки ее и не долюбиваютъ.— Учена много, да и парней то всѣхъ оттолкнула своимъ поведеніемъ...

Ученовъ (*задрожалъ, сжалъ кулаки и наступая на Алексѣича*). Какимъ поведеніемъ! Ну-ка, скажи плохое про Мину! Я подъ судъ тебя отдамъ!...

Алексѣичъ (*недоумѣвающе растопыривъ руки*). Разя я што плохо...

Ученовъ (*не давъ ему договорить*). Да какъ ты смѣешь обижать ее!

Алексѣичъ. Драть нужно! Ишь фря какая брыкаться вздумала...

Ученовъ (*сжимая кулаки*). Да я тебя разнесу! Понимаешь-ли ты? Она моя духовная дочь! Я ее воспиталъ! Душу свою вложилъ въ нее!... Она дорога мнѣ, какъ собственное мое твореніе! Ея душа--моя душа...

Алексѣичъ. А мнѣ што душа! Разя ее видно? Вижу лошадь брыкается, ну кнутомъ ее и надо смирить.

Ученовъ (*беретъ его за плечи и трясетъ*). Да скажи ты мнѣ толкомъ, темный человѣкъ!

Алексѣичъ (*тихо отстраняя его руки и отодвигаясь отъ него*). Толкомъ, такъ толкомъ! Видишь-ли? Мой Степка хотѣлъ поцѣловать твою Минодору, а она отбрыкиваться, да по щекамъ его и оттрепала.

Ученовъ (*улыбаясь*). По дѣломъ ему!

Алексѣичъ. А въ прошломъ году—на Ооминой недѣлѣ Павла Андреича — сына старшины за уши отодрала, что-бы не христосовался въ другой разъ.

Ученовъ (*совершенно развеселѣвъ*). Ну, ну! Ай, да богиня Минерва! Ну и досталось, я думаю, этимъ ослинымъ ушамъ! (*Хохочетъ расхаживая*).

Мина (*входитъ изъ наружной двери въ поддевку и платкъ*). Что-то вы, крестный, хохочете?

Ученовъ (*улыбаясь и показывая на Алексѣича*). Онъ жалуется на тебя. — Ты сына его по щекамъ побила.

Мина. А, Алексѣичъ здравствуй!

Алексѣичъ (*неохотно*). Здравствуй!

Ученовъ. Ну я пойду одѣваться! Пора ѣхать. Дорогой поговоримъ. (*Уходитъ въ свою комнату*).

Мина (*подходитъ къ Алексѣичу и ласково говоритъ*). Алексѣичъ! Ты сердить на меня за сына своего?

Алексѣичъ (*злобно*). Небось кровь-то моя въ немъ? Ты и меня острамила эвтимъ самымъ..... Боязно учителя, а то я тебя за это на весь міръ осрамилъ-бы. (*Грозитъ кулакомъ*). Да, ты не смѣйся! Ужъ посрамлю, такъ посрамлю!...

Мина (*внушительно*). Ну, посуди ты самъ! Надо же мнѣ было защищаться отъ нахала.

Алексѣичъ (*передразнивая*). Отъ нахала. — А какъ графскій управляющій цѣловалъ тебя? — Это не нахально?... (*Дерзко и вызываяще смотритъ ей въ лицо. Мина стоитъ сконфуженная, растерянная, а онъ злорадствуетъ*). Отъ чего-же ты не драла его за уши, а подставила ему свои губки. (*Мучаетъ ее своимъ взглядомъ*). А!... Молчишь! Языкъ не перевертывается.

Мина (*гордо выпрямившись и указывая рукой на дверь, спокойно и съ достоинствомъ*). Прошу васъ выдти вонъ!

Алексѣичъ. Нѣтъ, мы посидимъ еще! Добрый учитель хотѣлъ водочки поднести. (*Садится. Мина, гордо повернувшись, плавно пошла въ свою комнату*).

Ученовъ (*выходитъ въ овчинномъ тулупѣ, подпоясанъ кушакомъ; въ одной рукѣ стаканъ съ водкой, въ другой тарелка съ пирогомъ. Подаетъ все Алексѣичу*). Выпей, дружокъ! Веселѣй будетъ ѣхать, да и теплѣе.

Алексѣичъ (*беретъ стаканъ; кланяется Ученову*). За ваше здоровье, Александръ Гаврилычъ. (*Пьетъ*).

Ученовъ. Спасибо, другъ!

Алексѣичъ (*отдаетъ стаканъ Ученову, беретъ у него пирогъ съ тарелки*). Желаю вамъ много лѣтъ здравствовать! (*Ѣстъ*).

Ученовъ (*быстро идетъ въ свою комнату, унося стаканъ и тарелку*). Спасибо, спасибо, другъ! (*Оставивъ стаканъ и тарелку въ комнату, вернулся и громко зоветъ*): Ми-ну-шка!! Выходи скорѣй! Мы готовы!...

Мина (*выходитъ безъ платка и поддевки*). Я останусь дома, крестный! Мнѣ что-то не здоровится!

Алексѣичъ (*жуетъ пирогъ и сквозь зубы*). Боится, не растресться-бы дорогой-то..

Ученовъ (*всматриваясь въ лицо Мины*). Переутомилась, бѣдная! Румянецъ совсѣмъ исчезъ. щеки ввалились, подъ глазами круги синіе... (*Смотритъ со страданіемъ*).

Алексѣичъ (*сквозь зубы*). За то станомъ кругла!

Ученовъ (*нѣжно*). Поди лягъ! — Только не читай, а то ты совсѣмъ свалишься.

Мина. Не беспокойтесь, крестный! Завтра же буду здорова.

Алексѣичъ. Александръ Гаврилычъ! Поѣдьте скорѣй! Вѣдь двѣнадцать верстъ ѣхать то, а на дворъ мятель разыгрывается, не занесло-бы насъ!

Ученовъ. Что ты? Какая теперь мятель можетъ насъ занести. Сегодня четвертый день марта.

Алексѣичъ (*идетъ къ двери и останавливается*). Ну будь по Вашему! А все-таки скорѣй надо ѣхать. (*Выходитъ*).

Мина. Правда, поѣзжайте скорѣй! Да надо дать вамъ одѣяло, а то прозябнете. (*Уходитъ въ свою комнату*).

Ученовъ (*въ ея отсутствіи*) Ахъ, бѣдная дѣвочка! Сама больна, а все заботится о другихъ.

Мина (*возвращается съ одѣяломъ и подушкой*). Пойдемте! Я васъ усажу въ сани и заверну вамъ ноги.

Ученовъ (*беретъ у нея подушку*). Нѣтъ, я самъ, а ты лягъ усни, Минерва моя!

Мина. Да что вы заботитесь обо мнѣ? Вѣдь я не малый ребенокъ... (*Беретъ его подъ руку и ведетъ къ двери*). Пойдемте-же! *Отворяетъ дверь. Уходятъ. Школа нѣсколько секундъ остается пустой*).

Мина (*возвратясь, грустно говоритъ, покачивая головой*). Минерва!! Я въ глазахъ его Минерва!... какой непорочный идеальный человекъ. Посторонній мужикъ и тотъ сразу увидалъ, а онъ ничего не замѣчаетъ. (*Садится за парту, задумывается*). А отецъ! Какъ онъ пить сталъ.—Онъ мнѣ ничего не говоритъ ясно, а только намекаетъ, да вздыхаетъ. (*Грустно смотритъ передъ собой, покачивая головой и возвысивъ голосъ*). Бѣдные вы отцы мои! (*Понизивъ голосъ*): родной и крестный. (*Возвысивъ голосъ*). Сколько вамъ придется выстрадать изъ за меня! (*Тихо*). Хорошо еще, что нѣтъ матери у меня, а то она умерла бы съ горя. (*Встаетъ и прохаживается*). Хорошо, что и братья живутъ въ Москвѣ, а то какъ-бы они краснѣли, какъ бы стыдились за сестру свою! — Имъ нельзя-бы было показаться въ нашемъ обществѣ. Стрѣлы позора пронзили-бы и ихъ сердца. (*Всплеснувъ руками и съ рыданіемъ въ голосъ*). О, братья мои!! Какъ-бы я желала избавить васъ отъ этого позора. (*Пауза*). Братья мои! Почему это позоръ для меня, а для него нѣтъ позора!? Почему въ меня бросаютъ камнями, а ему прощаютъ!? Отзовитесь мнѣ! Скажите правду!!... О, братья мои!!... О отцы!!... И вы несете на своихъ плечахъ мой позоръ. (*Садится за парту и склонивъ голову на руку, задумывается. Потомъ, приподнявъ голову, обводитъ школу растеряннымъ взглядомъ и остановясь на половой щеткѣ быстро встаетъ*). Ай! Школа-то у меня со вчерашнихъ поръ не убрана. (*Беретъ щетку и мететъ*). О, Владиміръ! Если бы ты зналъ, какъ я страдаю, но не за себя, а за тѣхъ, кого люблю! за отца, за тебя, Владиміръ! За крестнаго и за будущаго ребенка нашего. (*Пауза. Съ сокрушеніемъ*). Учительницей теперь быть не могу. — Въ апрѣлѣ буду матерью. (*Вздыхаетъ*) а Владиміръ пьетъ, не пробуждаясь. (*Пауза*). Да онъ весь переродился въ худшую сторону... Первый

разъ онъ напился въ январѣ, — въ день Татьяны и съ тѣхъ поръ не отрезвляется. (*Плачетъ*). Можетъ я ему опостылѣла? (*Отрицательно качаетъ головой*). Нѣтъ, нѣтъ! Онъ больше прежняго любитъ меня.... Больше сталъ ласкать, только все плачетъ и на колѣняхъ просить прощенія. (*Ставитъ щетку къ печкѣ*). Ахъ! и дрова у порога. (*Беретъ дрова и несетъ къ печкѣ и по одному полѣну кладетъ ихъ подъ печь*). Надо узнать, отъ чего онъ такъ тоскуетъ? (*Положивъ дрова, беретъ тряпку; идетъ къ партамъ; сметаетъ съ нихъ пыль. Все продѣлываетъ это очень быстро*). Какъ долго не идетъ Владиміръ. (*Подходитъ къ окну. Смотритъ, прислонившись лбомъ къ стеклу, потомъ треплетъ въ ладоши и радостно, громко говоритъ*): Идетъ, идетъ! Володя, милый! (*Бѣжитъ. Отворяетъ дверь*). Иди, иди скорѣй!

Владиміръ (входя, затворяетъ за собою дверь и весело). Мы одни? И къ намъ никто не войдетъ?

Мина. Одни. Раздѣвайся!

Владиміръ (раздѣваясь и улыбаясь говоритъ): Какъ это ты, Минушка, осмѣлилась сегодня подойти ко мнѣ въ церкви (нѣжно смотритъ ей въ глаза) и сунуть записочку съ приглашеніемъ? Ты въ первый разъ приглашаешь меня къ себѣ. Аль нужда велика? (*Обнимаетъ ее и цѣлуетъ въ голову*).

Мина (кладетъ руку на плечо Владиміра и нѣжно смотритъ ему въ глаза и кротко говоритъ). Да, другъ мой! Мнѣ нужно о многомъ поговорить съ тобой.

Владиміръ. Говори, другъ мой! Все говори, ничего не тай! (*Цѣлуетъ ей руку*).

Мина. Сядемъ здѣсь! (*Легкимъ, едва замѣтнымъ движеніемъ руки указываетъ на скамью. Садятся*). Прежде всего я мучаюсь за тебя. — Ты такъ пить сталъ. Не таись отъ меня! Скажи мнѣ всю правду! — Не я ли причиной тому?...

Владиміръ (покрывая поцѣлуями руку Мины). Нѣтъ, дорогая моя! Радость моя! Ты жизнь моя!... Только и утѣшенія у меня осталось въ жизни — ты

одна. Для тебя только и живу, а если-бъ не ты — покончилъ-бы я съ своей головушкой...

Мина (*испуганно смотритъ на него*). Ты лаская пугаешь меня!! Владиміръ! Ты не нормаленъ.

Владиміръ. Молчи! Ничего не говори! Дай мнѣ надышаться тобой! И я окрѣпну... Дай нацѣловаться вволю!.. Дай насмотрѣться въ твои милыя очи. — Они цѣляютъ мою больную душу... (*Смотритъ ей въ глаза*).

Мина. Я все сдѣлала для тебя! Только бы ты не страдалъ, не мучился бы такъ, не пилъ и не губилъ такъ жизнь свою...

Владиміръ (*обнявъ Мину и сильно прижавъ къ груди своей, громко крикнулъ*). Минушка!!... (*Прильнулъ къ ея губамъ и такъ замеръ на моментъ. Потомъ всталъ, слегка пошатываясь и проводя рукой по лбу, прошолся раза два взадъ и впередъ. Мина сидитъ потупившись. Владиміръ подошелъ къ Минѣ, посмотрѣлъ молча и сѣлъ рядомъ съ ней. Секунды двѣ сидятъ молча*).

Мина (*кратко и съ стыдливой покорностью*). Я хотѣла поговорить съ тобой, Владиміръ — насчетъ будущаго ребенка нашего — черезъ мѣсяць я буду матерью.

Владиміръ (*сердечно и ласково*). Знаю! знаю, дорогая моя! (*Цѣлуетъ ея руки*).

Мина. Женишься-ли ты на мнѣ, или нѣтъ, — все равно! — Я не задушю своего ребенка ради чьихъ либо дикихъ понятій!... Я гордо пойду съ нимъ по жизненному пути!... Знаю, тяжелъ нашъ путь!... Безжалостная толпа устелетъ нашъ путь терніями и забросаетъ насъ камнями! Но я смѣло пойду сквозь груды этихъ камней и докажу всѣмъ, что не убивать и вытраивать свой плодъ надо, а развивать его!!... И что подлы и развратны не дѣвушки — матери, а тѣ, кто убиваетъ и вытраиваетъ свой плодъ!... Не насъ надо презирать и камнями побивать, а тѣхъ, кто въ насъ бросаетъ камнями.

Владиміръ (*тихо опускается на колѣни передъ Миной, беретъ ея руки и съ обожаньемъ смотритъ ей въ глаза*). Ты величайшая въ мірѣ женщина! (*Цѣлуетъ руки*). Ты божество мое! Могу-ли я оставить

свое божество? Развѣ ты оставишь меня? А я никогда!... Я всю жизнь свою лежалъ бы у ногъ твоихъ... (*Мина наклоняется, цѣлуетъ его въ лобъ. Владиміръ встаетъ, придерживаемый рукою Мины; потомъ нѣжно обнявъ Мину, прошились по комнатѣ раза два взадъ и впередъ. Потомъ садятся радышкомъ. Владиміръ, растрепавъ ея волосы, играя, цѣлуетъ ихъ*). Дорогая моя! Прежде я любилъ только твою красоту, а теперь и душу твою люблю и чѣмъ больше узнаю тебя, тѣмъ больше нахожу, насколько ты нравственнѣй и духовно развитѣй меня и теперь моя любовь дошла до обожанія къ тебѣ.

Мина. Я это вижу и чувствую, только одного не могу понять: отчего ты мучаешься и страдаешь?

Владиміръ. Я мучаюсь и терзаюсь, вспоминая Петровъ день, въ который я соблазнилъ тебя — вѣрнѣе — загипнотизировалъ. (*Пауза*). Я тогда горѣлъ однимъ желаніемъ — завладѣть тобой, не думая о послѣдствіяхъ. Ты же была такъ чиста и невинна, что вѣрила и въ меня, и въ чистоту моихъ намѣреній. (*Пауза*). А я! Я радовался твоему невѣденію и какъ демонъ увлекалъ тебя... (*Пауза*). Я былъ сильно наэлектризованъ тогда. И каждый мой взглядъ, поцѣлуй, каждое слово, объятіе гипнотизировало тебя и парализовало твою волю. (*Задумывается*). Дорогая моя! (*Бросается на колѣни*). Прости меня! Виноватъ я предъ тобою! (*Цѣлуетъ ея руки*).

Мина. Ни въ чемъ ты не виноватъ Природа тутъ виновата.

Владиміръ. Божество мое! И во всемъ ты оправдываешь меня! Не даромъ я сталъ молиться на тебя...

Мина (*улыбаясь цѣлуетъ его въ лобъ*). Ты скоро фиміамъ будешь курить мнѣ... (*Приподнимаетъ его*). Вставай! Споемъ чтонибудь! Я не люблю, когда меня хвалятъ.

Владиміръ (*вставая*). Что-жъ, споемъ!

Мина (*беретъ его подъ руку и направляясь въ комнату Ученова*). А все-таки лучше-бы было, если бы у моего ребенка былъ законный отецъ. (*Владиміръ*

шепчетъ ей что-то на ухо и цѣлуетъ въ щеку. Входятъ въ комнату и тотчасъ же возвращаются; Мина съ гитарой, Владиміръ съ книгой, садятся).

Владиміръ (смотря на книгу). „Психологія“. Ужели ты, Мина, и научныя книги читаешь?

Мина. Читаю и тебѣ совѣтую, въ особенности „Психологію“. Когда ты ознакомишься съ психологіей, то научишься многое прощать людямъ.

Владиміръ (перелистывая книгу достаетъ ленту шитую бисеромъ, взмахиваетъ вверхъ). А эту закладку ты вышивала?

Мина (настраивая гитару). Я.

Владиміръ. И какъ это ты успѣваешь: и учиться, и читать, и работать. Вѣдь этакъ ты надломишь свои молодыя силы.

Мина. Нѣтъ! Крестный говоритъ: „трудъ нашъ спаситель, а если бы мы не трудились, то мы развратились-бы, загнили и погибли“...

Владиміръ. Ну твой крестный самъ засохъ отъ трудовъ и философскихъ книгъ.—Засушитъ и тебя. Но я вырву тебя отсюда. (*Крѣпко обнимаетъ и цѣлуетъ Мину*).

Мина (улыбаясь). Оторвешь меня отъ труда, отъ книгъ и засушишь меня своими поцѣлуями.

Владиміръ. Да, пусть тебя сушатъ мои поцѣлуи, а не научныя книги! Пусть горишь и таешь отъ моихъ ласкъ, а не отъ работы.... (*Порывисто обнимаетъ ее и страстно цѣлуетъ*).

Мина (высвободившись и отстраняясь отъ него). Довольно, Владиміръ! Лучше поговоримъ или споемъ.

Владиміръ (вставая и какъ-бы обидясь). Я готовъ! Что пѣть?

Мина. Споемъ „Горныя вершины“.

Владиміръ. Отлично.—Это мое любимое стихотвореніе у Лермонтова. (*Дѣлаетъ жестъ регента. Поютъ оба. Мина акомпанируетъ на гитарѣ. По окончаніи пѣнія Мина положила гитару на парту. Владиміръ съ восторгомъ цѣлуетъ ее*).

Владиміръ (вставая). Сколько въ тебѣ природныхъ богатствъ? Цѣлая залежи. Сколько даешь ты мнѣ радостей сердечныхъ!... (*Обвивая рукою станъ ея и приподнимая со скамьи и притягивая къ себѣ, цѣлуетъ*). А какое блаженство я пью на устахъ твоихъ!? И все это богатство и блаженство мнѣ принадлежитъ... О!... Да я выше и счастливѣе царей земныхъ!!... *Прижимаетъ ее къ себѣ и жадно цѣлуетъ и истерично кричитъ*). Я царь! Я богъ!... Мина! Ты обоготворила меня!.. (*Снаружи сильно стучатъ. Владиміръ и Мина моментально отступили другъ отъ друга и нѣсколько секундъ молча смотрятъ другъ на друга. Опять стучатъ*).

Владиміръ (поблѣднѣвъ). За мной!... Полиція....

Мина (не понявъ). Иди въ комнату крестнаго, а я пойду узнаю, кто стучитъ. (*Владиміръ идетъ въ комнату Ученова. Мина въ наружную дверь. Съ крыльца слышенъ голосъ Еси*). У-у-у. (*Первый вбѣгаетъ Еся, дрожитъ отъ холода. Мина запираетъ дверь за Есей*).

Еся (дрожа, дуетъ на руки, согрѣвая ихъ). У-у, какъ холодно! [*Прыгаетъ согрѣваясь*].

Мина. Еся! Поди лягъ на печку, согрѣйся!..

Владиміръ (выходя изъ комнаты). Какой-же ты, Еся, чудакъ! Раздѣвши и разувши ходишь въ такой холодъ.

Еся (не обращая вниманія—прыгаетъ, приплясывая и трепля въ ладоши бѣгаетъ взадъ и впередъ, припѣвая). Тру-ла-ла, тру-ла-ла вышла кошка за кота. Котъ ходитъ по лавочкѣ, водить кошку за лапочки. Тру-ла-ла, тру-ла-ла, вышла кошка за мужъ за кота. (*Владиміръ и Мина смѣются*).

Владиміръ. Озябъ, бѣдный!

Еся. И холодно, и голодно, и пить хочется...

Мина. Сейчасъ накормлю тебя. (*Уходитъ въ свою комнату*).

Еся (смотритъ на Владимира и указываетъ по направленію Мины). Святая!... За всѣхъ страдаетъ, за всѣхъ болитъ душой, а о себѣ и не подумаетъ.

Владиміръ (*достаетъ кошелекъ; вынимаетъ серебро и даетъ Есѣ*). Возьми на хлѣбъ себѣ!

Еся (*качая головой изъ стороны въ сторону*). Не надо, не надо! (*Трепетъ себя рукой по груди*). Я богатъ, богатъ и силенъ... (*Указывая пальцемъ на Владиміра*). А ты — нищій.

Мина (*выходитъ изъ своей комнаты; въ одной рукѣ несетъ тарелку съ пирогомъ, въ другой — кружку съ квасомъ*). Поѣшь, голубчикъ! Да и лягъ на печку.

Еся (*смотритъ на Владиміра и указывая пальцемъ на Мину*). У ней возьму! Она богата, а ты нищъ и убогъ... (*Беретъ у Мины тарелку и кружку и ставитъ все на парту*).

Владиміръ (*уныло*). Да, я тѣломъ силенъ, а духомъ слабъ.

Еся (*съ ироніей*). Твой духъ молчитъ и сладко спитъ, а кровь бушуетъ и кричитъ.

Владиміръ. А если кровь сильнѣе духа, такъ естественно сильному побѣждать...

Еся (*твердо и сильно*). А ты духъ свой укрѣпляй, а тѣлу потачки не давай! (*Дѣлаетъ жестъ рукой*). Чтобъ духъ управлялъ тѣломъ, не тѣло духомъ... (*Какаетъ головой*). Пло-о-о о-хо тому господину, если управляютъ имъ рабы его... А ты рабъ своихъ рабовъ, своихъ страстей, своей плоти и крови...

Владиміръ. Да какъ же не уважить свою плоть? Она проситъ только хорошаго, сладкаго: поѣсть послаще, поспать побольше, поиграть, повеселиться.... Однимъ словомъ, какъ тѣло, и хочетъ однѣхъ наслажденій тѣлесныхъ...

Еся. Твоя плоть, какъ сатана или блудливая баба, хочетъ однѣхъ ласкъ и наслажденій губительныхъ.— И сама все лаской норовитъ, все ухаживаетъ, да приглаживаетъ, цѣлуя и милуя убаюкиваетъ... А духу, какъ мужчинѣ, это пріятно.— Онъ спитъ себѣ, нѣжится въ ея объятіяхъ, а ей то и нужно. Спи, спи, голубчикъ, до поры до времени! Дай мнѣ ослабить тебя, тогда, что хочу, то и дѣлаю съ тобой. (*Пауза*). И такъ шагъ за шагомъ достигаетъ своей цѣли... И обезсилилъ его,

совсѣмъ начинаетъ душить. (*Пауза*). Онъ очнулся, продралъ глаза. — Видитъ — дѣло плохо. Смотритъ и удивляется. Вмѣсто прежнихъ ласкъ получаетъ: побои (*т. е. бользни*) вмѣсто лакомствъ — горечи, да и оскомина, вмѣсто прекраснаго жилища — грязь и тина, онъ хочетъ приподняться, но не тутъ-то было. Слишкомъ хилъ сталъ, отяжелѣлъ. И отъ собственной тяжести все глубже и глубже втискивается въ грязь. Онъ понялъ весь ужасъ своего положенія. (*Въ голосъ слышно легкое рыданье, постепенно усиливающееся*). Хочетъ бороться. — Отмахивается и руками и ногами. — Онѣ гнутся, ломаются отъ дряхлости. И онъ, стоная, падаетъ ничкомъ въ грязь. (*Утирая глаза рукою и съ рыданіемъ въ голосъ*). И всѣ черви, и всѣ гады облѣпили его. Ужъ онъ не живетъ, а только дышетъ, стонетъ, да вздыхаетъ... (*Плачетъ, закрывъ лицо руками. Садится. Владиміръ тихо сталъ ходить взадъ и впередъ. Достаетъ носовой платокъ, проводитъ имъ по лицу. Мина слѣдитъ за нимъ, потомъ садится рядомъ съ Есей. Секунды три молчатъ Еся рыдаетъ*).

Мина (*отнимая руки Еси отъ его лица*). Будетъ, Еся, плакать! Скажи, ты, говорятъ, учился въ семинаріи? Изъ котораго-же класса ты вышелъ?

Еся (*переставъ плакать, смотритъ на Мину*). Нѣтъ, ты скажи мнѣ! Чему училась? Куда готовилась? И что теперь будешь дѣлать? (*Указываетъ пальцемъ на подходящаго Владиміра и остановившагося противъ нихъ*). Онъ не женится на тебѣ..... Нельзя..... (*Взялъ пирогъ и сталъ ѣсть, не обращая никакого вниманія на нихъ. Мина вопросительно смотритъ на Владиміра*).

Владиміръ (*поблѣднѣлъ и задрожалъ*). Неужели я долженъ потерять это сокровище?... (*Надрывающимъ душу голосомъ*). Да вѣдь это равно смерти моей!... Минушка!... Научи, что дѣлать мнѣ!... Помоги мнѣ выпутаться!..... (*Бросается на колѣни передъ Миной*). Суди меня! Я всю правду скажу. Подлецъ я! Загубилъ тебя, а жениться не могу. (*Низко склоняетъ голову, какъ бы ожидая удара. Мина зашаталась и тихо*

опустилась на парту. Моментъ молчатъ. *Владиміръ приподнимая голову*). Я долженъ умереть....

Мина. *Положивъ руку ему на голову и нѣжно, кротно смотритъ ему въ глаза*). Владимиръ! Я давно поняла, что ты не женишься на мнѣ. Давно я приготовилась къ позору... И знаю, что я буду вѣчно опозоренной дѣвушкой — матерью... Но я люблю тебя! И знаю, ты любишь меня... И ради твоей любви все прощу тебѣ и всю жизнь буду твоей рабой... Я навсѣ жертвы согласна. — Только-бы ты не страдалъ!... Только-бы ты былъ счастливъ... (*Цѣлуетъ его въ лобъ и приподнимаетъ за руку*).

Владиміръ (*вставъ, положилъ ей руку на плечо и съ умиленіемъ смотритъ ей въ глаза*). Ты самъ геній добра!... Ты ангелъ хранитель мой. — Не покидаешь меня и въ злобѣ моей... Спасая меня, сама хочешь всю жизнь нести позоръ...

Мина (*вставая*). У меня будетъ утѣшеніе — сынъ. Я всю себя отдамъ ему.

Владиміръ (*хватаясь за голову*). Да, я разсудокъ потерялъ!... Развѣ я могу видѣть тебя въ безчестіи у людей? (*Возвышая голосъ и потрясая рукой въ воздухъ*). Нѣтъ! Нѣтъ, я не допущу тебя до позора!... (*Тише и нѣжно*). Завтра же повѣнчаюсь съ тобой, моя голубка. (*Цѣлуетъ ее въ лобъ*).

Еся (*жуя пирогъ и сквозь зубы*). У православныхъ постомъ не вѣнчаютъ

Владиміръ (*нѣжно*). Завтра мы не будемъ прятаться, какъ воры. Завтра ты будешь моей законной женой. (*Цѣлуетъ*).

Еся. Женой каторжника.

Владиміръ (*съ восторгомъ и громко*). И нашъ сынъ будетъ законн...

Еся (*громко не давъ ему договорить*). Сынъ каторжника.

Владиміръ (*отступая отъ Мины. Безумно озирается кругомъ. Дрожитъ и хрипло говоритъ*). Сынъ каторжника!?... Жена каторжника!?... (*Хватаетъ себя за голову и качаясь одной головой изъ стороны въ*

сторону). Что это? Каторжникъ!!... (Рветъ на себѣ волосы, ломаетъ руки).

Мина (съ великимъ ужасомъ смотритъ на Владиміра, прислонивъ лѣвую руку къ сердцу, правую — къ правому виску и глубоко скорбящимъ голосомъ). Я теперь все поняла!... Онъ преступникъ... Онъ самый несчастный человекъ теперь въ мірѣ...

Владиміръ (поднимая глаза и руки къ небу и надрывающимъ душу голосомъ). Силы небесныя!!... Спасите вы меня!! ... (Замираетъ въ этой позѣ).

Мина (опускается на колѣни рядомъ съ Владиміромъ. Поднявъ глаза къ небу и сложивъ молитвенно руки на груди). О, Боже!!... Спаси... Спаси и исцѣли его больную душу...

Владиміръ (съ рыданіемъ въ голосъ). Силы небесныя!!... Да спасите-же!!... Спасите я погибаю!!...

Мина (надрывающимъ душу голосомъ). Боже! Пощади!!... Пощади его!!... Спаси!...

Владиміръ. Погибаю!!... Спасите!!...

Еся (смотритъ на Владиміра и указываетъ рукой на Мину, твердо). Смотри! Она молится за тебя...

Владиміръ (опускаетъ руки; смотритъ на Мину и тихо бользненно говоритъ). Ангелъ мой!... Ты не отлетѣлъ отъ меня? (Прижимаетъ свою руку къ сердцу). Ты со мной? Молишься за меня!... (Робко). Молись!... Молись!... Самъ я не могу молиться... (Бользненная радость видна на лицѣ и слышна въ голосъ). Молится!?... Не бѣжитъ отъ меня... (Пауза). Я весь въ крови... (Дрожитъ). А она со мной!... Не бѣжитъ!... Нѣтъ... (Отнимаетъ руки отъ груди и судорожно сжимаетъ пальцы, безумно и громко кричитъ). Такъ я самъ убѣгу!!... Не можетъ жить демонъ съ ангеломъ!!... Ей рай, мнѣ адъ нуженъ...

Еся (дѣлаетъ жестъ и громкимъ голосомъ). Да вѣдь адъ-то въ душѣ твоей!!...

Владиміръ (кричитъ). Мнѣ страшно!... Мнѣ душно!... Бѣжать... бѣжать... (Убѣгаетъ въ наружную дверь).

Еся (*вслѣдъ ему*). Несчастный, куда бѣжишь ты самъ отъ себя?...

Мина (*истерично рыдаетъ*). Боже, Боже, спаси его!... (*Падаетъ безъ чувствъ*).

Еся (*указывая пальцемъ въ слѣдъ Владиміра*). Вотъ онъ, человѣкъ-то, — рабъ плоти-то своей. — Одинъ грѣхъ сотворилъ отъ нея, а потомъ этотъ грѣхъ сколько другихъ грѣховъ народилъ. (*Качаетъ головой*). Грѣхъ и рождаетъ грѣхъ...

Занавѣсъ.

Дѣйствіе 4-е.

Дѣйствіе происходитъ въ томъ-же селѣ. Лѣтній вечеръ. Пасмурно.

ОБСТАНОВКА.

Широкая улица. Справа проѣзжая дорога, рядомъ съ дорогой старая изба дьячихи съ развалившимся крыльцомъ. У крыльца скамейка. Рядомъ школа. Противъ оконъ школы растетъ старая плакучая береза. Слева открывается липовая аллея изъ сада старшины, рядомъ съ аллеей волостное правленіе — крыльцо его смотритъ прямо въ крыльцо школы; въ глубинѣ отъ волости растутъ три березы, между пробѣлами березъ на скамейкахъ двѣ бочки съ мѣдными кранами, наполненныя водкой и брагой; около каждой бочки — парень, одѣтый чертомъ. Двѣ молодыхъ дѣвушки при двухъ большихъ корзинахъ съ хлѣбомъ и закуской. Съ одной бочки на другую протянута длинная доска. — На доскѣ: стаканы, бокалы, кружки и чашки мѣдныя, жестяныя, фаянсовыя и хрустальныя. Далѣе въ глубинѣ зеленый лугъ, за лугомъ церковная ограда, изъ за которой видна колокольня. Волость, всѣ деревья, ограда и колокольня увѣшаны разноцвѣтными фонарями. Дѣвушки съ хлѣбами, черти и бочки завѣшаны небольшимъ занавѣсомъ. Онъ падаетъ на землю въ тотъ моментъ, когда все освѣтится и одинъ изъ чертей будетъ его поднимать.

Мина (*съ ребенкомъ на рукахъ выходитъ съ дороги, которая идетъ впереди избы дьячихи*). Вотъ

мы и въ родной деревнѣ, сынокъ!... Скоро мать твоя совсѣмъ оправится... А Владиміръ — твой отецъ, какъ будетъ радъ!... Какъ онъ цѣловать будетъ тебя, такъ же, какъ въ больницѣ цѣловалъ... Онъ и не подозрѣваетъ, какъ ты выросъ и похорошѣлъ... Цѣлый мѣсяцъ онъ не видалъ тебя... Одного боюсь, — не допился ли онъ здѣсь до бѣлой горячки. *(Вздыхаетъ)*. При прощаньи съ нами — онъ такъ страдалъ, такъ плакалъ и отчаявался. *(Вздыхаетъ)*. Мы съ тобой, сынокъ, обязаны подкрѣпить его и вырвать его душу изъ мрака отчаянія и воскресить его къ новой, лучшей жизни... *(Цѣлуетъ ребенка къ ней подходитъ дьячиха)*.

Дьячиха *(кланяясь)*. А, Минодора, здравствуй!

Мина. Здравствуй! Александра Ивановна.

Дьячиха. И ребеночка привезла? *(Качаетъ головой)*. Живъ на горе-то?... А мы думали онъ мертвый родился...

Мина. Господь съ тобой!... что ты говоришь. — Онъ для меня величайшая отрада въ жизни...

Дьячиха. Ну, ну, отрада!... Ты что пріѣхала-то? поклониться праху крестнаго что-ль? Или за другимъ чѣмъ?...

Мина. Да, взгруснулась я и по крестномъ!... Тяжела для меня эта потеря... Но вотъ чудо! — Мнѣ кажется онъ не умиралъ, а живъ! вотъ тутъ гдѣ-то около меня находится...

Дьячиха. Это его душа по тебѣ тоскуетъ.. Вѣдь онъ любилъ тебя какъ дочь родную.

Мина *(грустно)*. Да, а я не видала какъ онъ умеръ!... и какъ его похоронили.

Дьячиха. Гдѣ было видѣть!... Тебя отецъ чуть живую въ городъ свезъ.

Мина. Ничего не помню.

Дьячиха. Гдѣ ужъ помнить!... Тебя цѣлыя сутки ломало, ломало, корчило, корчило! — И какъ ты жива осталась... А ужъ Дарья Андреевна какъ издѣвалась надъ тобой!...

Мина. А ей что нужно было? Зачѣмъ она!?

Дьячиха. Да вѣдь Владиміръ Николаевичъ выбѣжалъ отъ васъ, какъ сумасшедшій и раздѣтый при томъ, а она ему на встрѣчу съ своимъ братомъ, — ну и остановила его: одѣла въ свою лисью ротонду, усадила въ сани, и велѣла Павлу Андреевичу домой отвезть, а сама къ вамъ въ школу. — Народъ за ней, какъ увидала она его одежду и тебя въ такомъ положеніи: позеленѣла, затряслась, раздѣла тебя и велѣла поливать холодной водой, чтобъ пришла въ чувство, потомъ велѣла вынести тебя на улицу!! — Твой крестный подѣхалъ. Какъ увидалъ тебя въ такомъ позорѣ!... Какъ охнетъ!... Да какъ грохнется о землю!... На другой день Богу душу отдалъ... Охъ! — И метался же!.... (*Качаетъ головой*). Безъ языка былъ, а все метался..

Мина (*плачетъ*). Бѣдный, крестный!!... Онъ за меня страдалъ... А отецъ все время былъ со мной въ больницѣ и ни слова не сказалъ...

Дьячиха. Да гдѣ онъ? — отчего нѣтъ его съ тобой?...

Мина (*грустно*). Не поѣхалъ!.. Теперь я понимаю почему. (*Задумывается*). То-то онъ, такъ умолялъ меня не ѣздить сюда... А мнѣ Владиміра жаль... Онъ такъ отчаявался, такъ страдалъ при прощаньи со мной. (*Вздыхаетъ*). Боюсь не спился бы совсѣмъ!... Надо его поддержать...

Дьячиха. Ужъ и пилъ же все это время!! До бѣлой горячки допился, а вѣдь былъ непьющій, хорошій человекъ.. Да ты не заботься такъ о немъ!! Его теперь Дарья Андреевна поддержитъ.

Мина. Дарья Андреевна не можетъ поддержать, а только растравитъ его раны своимъ присутствіемъ.

Дьячиха. Пятнадцать тысячъ всѣ раны залѣчатъ... Да вотъ сама увидишь, какъ онъ нынѣ будетъ вѣнчаться съ ней.

Мина (*не довърчиво*). Онъ будетъ вѣнчаться съ Дарьей Андреевной? Врешь!! Два преступника не могутъ соединиться. Въ преступленіи не найдется мѣста

для взаимной любви и взаимнаго уваженія, а этимъ самымъ и держится супружеское счастье...

Дьячиха. Пойдемъ ко мнѣ! что на дорогѣ-то стоять. Теперь народъ толпой повалить свадьбу смотрѣть. *(Идутъ и садятся на скамейку. Три крестьянскія дѣвушки выходятъ изъ липовой аллеи, идутъ мимо дьячихи и Мины, остановились и смотрятъ на Мину).*

1-я дѣвушка *(указывая рукой на Мину).* Смотрите, подружки! Минодора-то ребенка привезла.

2-я дѣвушка. У, безстыжая! ужъ пряталась бы, а она на виду у всѣхъ.

3-я дѣвушка. Это она нарочно! — Помѣшать хочетъ Владиміру Николаевичу.

1-я дѣвушка *(указывая рукой).* Вотъ ребята идутъ. Пойдемте скорѣй!... *(Бѣгутъ къ церковной оградѣ.— Парни выходятъ изъ липовой аллеи).*

Парни. Эй! Минодора! Съ нами цѣловаться не хотѣла, а съ бариномъ ребенка прижила. Чтожъ не вѣнчаешься съ нимъ? Аль думаешь мы женимся на тебѣ!... *(Свистятъ, хохочутъ и спѣшно идутъ за дѣвушками).*

Мина *(склонивъ голову надъ ребенкомъ тихо плачетъ и тихо говоритъ).* За что? за что? бросаютъ камнями въ меня!...

Дьячиха *(вставъ грозитъ кулакомъ вслѣдъ ребятамъ).* Ишь черти, издѣваются!... Не угодила вамъ?... Да развѣ всѣмъ угодишь!? .. Вотъ она одному угодила, а вы всѣ грызете ее.. Вамъ угодить, тотъ сталъ бы грызть... Какъ ей жить-то на свѣтѣ!?... *(Оборачивается къ Минѣ, смотритъ на нее съ состраданіемъ, качая головой).* Э-э э-эхъ, дѣвка! — Напрасно ты сюда пріѣхала. Камнями забросаютъ тебя!... У живой душу вырвутъ!... *(Вздыхаетъ).* Э-хе-хе-хе.. А у насъ другая съ полдюжины задушила такихъ-то, *(указываетъ на ребенка)* а на тебя будетъ плевать.. Э-хе-хе-хе, горюшко!! Жалѣючи тебя говорю.—Ступай теперь, пока не изгрызли тебя... Все равно не минуешь этой участи... Долго-ли, коротко-ли, а попадешь туда!! .. Сама не пойдешь, такъ силой загонятъ тебя наши грызуны... Ни одна душа

не можетъ вынести такихъ пытокъ... Она или умретъ въ страшныхъ судорогахъ, наложивъ на себя руки, или убѣжитъ туда, куда гонятъ ее мучители. .О-о-хо-хо-хо!... Горюшко... (*Дѣвки и парни проходятъ мимо, указывая на Мину и громко хохочутъ. Парни свищутъ ей въ лицо. Двѣ бабы подходятъ къ Минѣ*).

1-я баба. Штой-то ты, Минодора, сидишь тутъ? Аль жениха хочешь отнять у Дарьи Андреевны?

2-я баба. Что-жъ придетъ въ церковь съ ребенкомъ, да и станетъ рядомъ съ женихомъ, а Дарью Андреевну назадъ...

Дьячиха. Будетъ вамъ ее мучить-то!... Тараторки... (*Обращается къ Минѣ*). Пойдемъ ко мнѣ въ хату. (*Уводитъ ее за руку*).

1-я баба. Побѣжимъ скорѣй! Скажемъ старшинѣ, что Минодора съ ребенкомъ пріѣхала... По рублю дастъ за такую вѣсть. (*Убѣгая въ липовую аллею, кричатъ*). Скорѣй! скорѣй! А то опоздаемъ...

(*Волость, церковная ограда, колокольня и всѣ деревья моментально освѣщаются разноцвѣтными огнями; занавѣсъ, скрывавшій дѣвушекъ съ хлѣбами, чертей и бочки съ водкой, падаетъ на землю; одинъ изъ чертей поднимаетъ его, горя*).

1-й чертъ (съ сердцемъ). Открыли таки, открыли!! И оказали насъ! — При свѣтѣ, при блескѣ... А я думалъ и надѣялся, что останемся за этой завѣсой. (*Показываетъ занавѣсъ*). Нѣтъ, не сбылись мои надежды.... Какъ только все освѣтилось большимъ свѣтомъ, такъ завѣса-то и упала. (*Прячетъ занавѣсъ подъ бочку*).

2-й чертъ И нужно-же было самодуру показывать насъ — чертей — людямъ!... И зачѣмъ это? Что мы не такіе-же чтоль люди?.. (*Съ ироніей*). Такіе-же!... Только платье на насъ надѣли не человѣческое, а чертовское...

1-й чертъ (злѣсь). А если нарядили тебя чертомъ, то и дѣйствуй. какъ чертъ!.... И напайвай всѣхъ до опоя, а не разсуждай...

(*Изъ липовой аллеи выходятъ двѣ дѣвочки съ корзинами полевыхъ цвѣтовъ, разбрасывая ихъ по дорогѣ, крестьяне на лугу становятся въ рядъ ко-*

лонами по обѣимъ сторонамъ. Изъ липовой аллеи по направленію къ церкви идутъ Владиміръ и Дарья; за ними идутъ попарно провожатые: мужчины и женщины, дѣвушки, всѣ одѣтые по модѣ; когда послѣдніе провожатые скрылись въ церковной оградѣ, часть народа хлынула за ними въ ограду, часть осталась на лугу. Слышно отдаленное пѣніе и народный говоръ. Мина выходитъ на крыльцо съ ребенкомъ на рукахъ).

Мина (сильно, но въ голосъ слышно рыданье). Сынъ мой! Смотри, какъ могущественны и ужасны зло и неправда въ людяхъ!.. Отецъ твой преступенъ, а ему устилаютъ путь цвѣтами, а матери твоей - неповинной, безконечно любящей, даютъ только то, что есть на землѣ ядовитѣйшаго и жесточайшаго... (Склоняетъ голову и рыдаетъ надрывая душу).

Дьячиха (выходитъ изъ хаты, хватается Мину за руку). Будетъ надрываться-то! пойдемъ скорѣй въ церковь.— Помѣшаемъ ему вѣнчаться.

Мина (утирая глаза носовымъ платкомъ). Мѣшать ему не буду я, а посмотрю, какъ онъ будетъ вѣнчаться.— Быть можетъ это заглушитъ мою любовь къ нему. (Идутъ къ оградѣ; народъ хохочетъ, шумитъ и кричитъ имъ вслѣдъ).

Народъ. Смотрите, смотрите! — Минодора сейчасъ свадьбу разрушить... (Мина и дьячиха скрылись за оградой; нѣсколько крестьянъ послѣдовали за ними; изъ липовой аллеи бѣжитъ старшина и за нимъ двѣ бабы).

Старшина. Гдѣ она? гдѣ Минодора?

Народъ. Въ церковь ушла съ ребенкомъ.

Старшина (кричитъ). Держать ее!... (Бѣжитъ къ оградѣ; на встрѣчу ему изъ ограды урядникъ съ безчувственной Миной на рукахъ; платокъ съ нея свалился; волосы беспорядочно разсыпались; дьячиха съ ребенкомъ на рукахъ и толпа изъ ограды идутъ за нимъ).

Старшина (подбѣгая къ уряднику). Что, не помѣшала вѣнчаться?

Урядникъ (*продолжая идти*). Я не допустилъ ее до этого!

Старшина (*идя съ урядникомъ*). Ты въ волость, въ волость ее тащи! Да привяжи, а то, знаешь, она норовиста, какъ чертъ.. Ты только уважь меня, а ужъ я награжу тебя.. у, распутная!... я тебѣ покажу, (*грозитъ кулакомъ въ лицо Мины*) какъ разлучать мою дочь.... Жалко, мнѣ некогда!... Ну да я потомъ тебѣ покажу... (*Спѣшно уходитъ къ оградѣ*).

Урядникъ (*вноситъ Мину въ волость; дьячиха за нимъ идетъ; урядникъ обращается къ ней съ ласковой улыбкой*). Идите пожалуйста къ себѣ домой и покормите ребеночка. (*Запирается изнутри*).

Дьячиха. Какой заботливый, подумаешь... (*Идетъ и садится на скамью у своей хаты; бабы и дѣвки идутъ за ней и смотрятъ на ребенка; мужики и ребята около волости разсуждаютъ*).

1-й голосъ женскій. И какъ она, подружки мои, не раздавила ребенка, когда падала-то!...

2-й женскій голосъ. И какъ это она увидала жениха-то рядомъ съ невѣстой, какъ охнетъ! Да какъ грохнется объ полъ головой.

3-й голосъ мужской. Ну, и урядникъ нашъ молодецъ! какъ подхватилъ ее, да и вонъ изъ церкви.

4-й голосъ мужской. А што, ребята!— чай старшина велитъ выдрать ее.

5-й голосъ мужской. Ну, хошъ посрамить только, а выдрать не выдереть...

6-й голосъ. Пожалѣетъ дѣвку, себѣ оставить!... жена-то параличемъ разбитая лежитъ.

Всѣ въ одинъ голосъ. Смотрите! Перевѣнчали!... Перевѣнчали!... (*Нѣкоторыя показываютъ рукой по направлению ограды*). Вонъ выходятъ изъ церкви!... Идутъ! Идутъ! (*Всѣ становятся колонами. Дьячиха ушла къ себѣ въ хату; изъ ограды на лугъ идетъ свадебная процессія; впереди жениха и невѣсты двѣ дѣвочки разбрасываютъ полевые цвѣты по дорогѣ; изъ липовой алеи несутся звуки музыки, крестьяне снимаютъ шапки и низко кланяются жениху и не-*

вьсть и всь разомъ кричатъ). Съ законнымъ бракомъ! съ законнымъ бракомъ! съ законнымъ бракомъ, васъ, Владиміръ Николаевичъ и Дарья Андреевна! — Желаемъ вамъ много лѣтъ здравствовать!... Жить вамъ въ любви и согласіи .. ура!... ура!! ура!! (*Владиміръ очень печаленъ, еле отвѣчаетъ на привѣтствія народа и вопросы Дарьи. Дарья сіяющая со всѣми говоритъ; то и дѣло шепчетъ на ухо Владиміру. Проходятъ всѣ въ липовую аллею; старшина остается на минуту съ крестьянами*).

Старшина. Ну, вы всѣ! — старые и малые! пейте до чертиковъ!... А вы, черти, не жалѣйте вина! — Поите и кормите всѣхъ до отвала, чтобы старшинѣ было похвально, а я гостей провожу и самъ къ вамъ приду. (*Направляется къ липовой аллеѣ*).

Крестьяне (*всѣ кланяются и шумно благодарятъ*). Много лѣтъ тебѣ здравствовать!... Много лѣтъ тебѣ, кормилецъ нашъ... (*Старшина уходитъ, черти наливаютъ водку и брагу: въ бокалы, кружки и чашки. Крестьяне и крестьянки подходятъ и берутъ бокалы съ водкой и идутъ къ дѣвушкамъ, хлѣбницамъ и бѣрутъ: хлѣбъ, булки и отходя, становятся группами: пьютъ и пѣютъ, хохочутъ; нѣкоторые бросаютъ шалки; нѣкоторые брызжутъ въ дѣвушекъ брагой; кто слегка приплясываетъ, кто звонитъ въ кружки и стаканы, кто кричитъ за здоровье новобрачныхъ, кто ура и т. п. Изъ липовой аллеи выходятъ двѣ дѣвочки; черезъ плечо у каждой перекинуты большіе вѣнки изъ вѣтокъ яблони со множествомъ привѣщанныхъ къ вѣткамъ яблокъ; въ правой рукѣ у каждой корзина съ бѣлыми и красными кусками ситца; лѣвой рукой каждая поддерживаетъ подносъ на головѣ съ лакомствами*).

Обѣ дѣвочки. Невѣста Дарья Андреевна шлетъ вамъ всѣмъ гостинецъ. Подходите и берите каждый по куску ситцу краснаго и по куску бѣлаго. Яблоки приказала брать парнямъ, а лакомства дѣвушкамъ. (*Крестьяне подходятъ по очереди и берутъ ситецъ, лакомства и яблоки; парни съ дѣвушками дѣлятся*

гостинцами; мужики и бабы, приплясывая, примп-ряютъ подарки; кто на голову кто чрезъ плечо; кто подпоясывается; кто машетъ въ воздухъ. Веселье идетъ головокружительное, захватывающее. Все разобрано. Осталось у каждой дѣвочки по яблоку; черти подходятъ къ дѣвочкамъ, смотрятъ на нихъ и смѣются; нѣкоторые крестьяне сами наливаютъ вино и жадно пьютъ).

Черти (оба разомъ). А намъ можно вашихъ яблочекъ отвѣдать?

Обѣ дѣвочки. Можно.

Черти оба (захлопавъ въ ладоши). Ахъ какія вы добрыя и яблоки у васъ хорошенькія...

Дѣвочки. Только немного недозрѣли...

Черти оба. Мы любимъ недозрѣлые плоды, какъ и господа—люди, перезрѣлыхъ не ѣдимъ. (Срываютъ съ нитокъ яблоки, откусываютъ и сдѣлавъ страшную гримасу плюютъ). Тьфу! тьфу!... Червивыя... Весь ротъ загрязнили... (Плюютъ. Дѣвочки поставили на землю корзины и опустивъ подносы играютъ въ нихъ и отъ души хохочутъ; черти съ плаксивой гримасой смотрятъ на свои ладони съ яблоками).

1-й чертъ (вертя яблоко). Снаружи-то какія красивыя, а внутри-то червивое гнѣздо... (Плюетъ и вычищаетъ пальцемъ ротъ).

2-й чертъ. И у моего яблока червь все нутро выѣлъ... (Плюетъ).

Оба черта (трясаясь и яко-бы плача). Ну, и дѣвочки: и угостили-же вы насъ....

Дѣвочки (указывая въ толпу). Это они такъ сдѣлали... Мы не виноваты, што хорошія у насъ отобрали...

Черти оба (гордо выпрямившись и съ самохвальствомъ). Ну, ужъ и люди-же!... хуже насъ, чертей.... (Съ злобою плюютъ; крестьяне окружаютъ чертей).

Алексѣичъ. Ну, будетъ плевать-то на насъ! Помиримся! Вмѣстѣ жить-то придется.... Давайте пѣть и плясать съ нами. И вы, яблочки, съ нами, и вы, хлѣбницы съ нами! (Машетъ рукой дѣвушкамъ, хлѣбницамъ). Идите пѣть съ нами!... (Собираются всѣ въ

группу и поютъ). „Во полѣ береза стояла, во полѣ кудрявая стояла, люли, люли стояла“. (Потомъ всѣ треплютъ въ ладоши, приплясывая поютъ). „Ой жги жги, говори, говори рукавички барановыя“. (Черти, дѣвочки, яблочки и хлѣбницы приплясываютъ; изъ липовой алеи выходитъ старшина).

Старшина (*пьяный, обращается къ крестьянамъ*). Ну, ну, веселитесь! веселитесь! (*Обращается къ чертямъ*). Ну, а вамъ, чертямъ, пора проваливаться! видите, заря загорѣлась (*Указываетъ рукой на востокъ*). Скоро солнышко взойдетъ... Ну, проваливайтесь! И вы, яблочки, и вы, хлѣбницы, ступайте. — Вы дома нужны. (*Черти уходятъ въ липовую алею; дѣвочки яблочки идутъ за ними; народъ хохочетъ и шумитъ*).

Старшина. Минодору сюда!... Виномъ напоить и плясать заставить!...

Алексѣичъ (*идетъ въ волость стучитъ въ дверь*). Ишь, черти! — Знать заснули!.. (*Стучитъ*).

Старшина (*подходя къ Алексѣичу*). Поди-ка съ задняго крыльца отопри! Урядникъ-то должно пьянѣе васъ. — Не слышитъ... (*Стучитъ въ дверь; Алексѣичъ идетъ за волость*).

Старшина. Ну, ребята, сейчасъ Минодору съ плакучей березой повѣнчаемъ! Приготовьте вѣнокъ ей изъ мочалъ, да кушакъ изъ бумаги, да напишите уголемъ на серединѣ кушака „позоръ“, на одномъ концѣ его „дѣвушка“, на другомъ „мать“. (*Стучитъ въ дверь*).

Народъ (*радостно*). То-то весело-то будетъ! То-то смѣху будетъ!... Ай да старшина!!... (*изнутри волости дверь отворяется; Алексѣичъ выходитъ изъ волости, а старшина пошелъ въ волость*). Минодору Минодору... гдѣ-же она!? что же ты ее не вытащилъ сюда!? Вина, вина ей.. Пусть будетъ помнить свадьбу Владиміра Николаича, пусть хошь вина до сыта напьется... (*Хохочетъ*).

Алексѣичъ (*стоя на крыльцѣ*). Ну, ребятушки, не заботьтесь!!.. Минодору и безъ васъ до того напоили, што и на ногахъ не стоитъ. (*Разводитъ руками*). А,

глаза то! глаза — страшные такія! — Какъ у безумной. Даже жутко стало мнѣ.

Голосъ изъ толпы. Это ее урядникъ должно такъ накачалъ...

Алексѣичъ. Онъ, да невѣстинъ братъ — Павелъ Андреичъ! Я ихъ обоихъ встрѣтилъ на заднемъ крыльцѣ.

Старшина (выходитъ изъ волости, держа Мину за руку; она еле стоитъ склонивъ голову на плечо; въ глазахъ ея величайшее и безмолвное страданіе; волосы въ безпорядкѣ разсыпаны. При видѣ ея толпа хохочетъ, свищетъ, указываетъ пальцами. Кто-то поднялъ вверхъ двѣ кружки и звоня насмѣшливо кричитъ): Миnodорушка, ау! (Кто-то бросилъ конфетой въ ея грудь; кто-то скорлупой отъ орѣховъ. Старшина одной рукой держа Мину, другой рукой дѣлаетъ жестъ). Ишь — безъ насъ успѣла нажраться вина-то: я хотѣлъ, что-бъ ты плясала, а ты на ногахъ не стоишь.... (Изъ толпы бросаютъ въ грудь Мины вѣнокъ изъ мочалъ, потомъ кушакъ. Алексѣичъ подхватываетъ то и другое. Надѣваетъ на Мину вѣнокъ и подпоясываетъ кушакомъ, злорадно улыбаясь. Мина безучастна. Старшина выпустивъ руку Мины обращается къ Алексѣичу). Ну, ладно: Веди ее къ плакучей березѣ!... А вы, народъ! — Играйте въ кружки, стаканы, подносы, у кого что въ рукахъ есть. (Идетъ къ плакучей березѣ).

Алексѣичъ (взявъ Мину за руку). Ну, ну, двигайся, безстыжая! (Ведетъ ее съ крыльца. Мина, шатаясь падаетъ на колѣни; Алексѣичъ дергая ее). Ну, ну! штожь остановилась!? Поѣзжай, говорю? а то кнутомъ подстегну!...

Мина (приподнявъ голову и глаза къ небу, тихо и скорбно произнесла). Боже.... Я изнемогаю!!.. (И опять опустила голову).

Старшина (кричитъ). Эй!! Что же вы тамъ стоите!? Говорю сюда, къ березѣ!

Алексѣичъ (тише и мягче прежняго). Ну, будя молиться-то! (Приподнимаетъ ее и ставитъ на ноги. Мина шатается. Алексѣичъ взялъ ее обѣими рука-

ми за плечо и повелъ къ березѣ; толпа съ хохотомъ и звономъ въ кружки и стаканы идетъ за ними; одинъ мальчишка подобралъ соръ и бросилъ имъ въ Мину).

Старшина. Привяжите ее къ березѣ! Не держать же ее, какъ барыню за руки.

Алексѣичъ. (Привязываетъ ее за талію къ березѣ; концы кушака расправляетъ по бедрамъ ея такъ, что на правомъ бедрѣ получилось „дѣвушка“, а на лѣвомъ „мать“. Мина измученная, но прекрасная — полна гнубокой скорби и величайшаго страданія; стоитъ, склонивъ голову на плечо, — не издаетъ ни единого звука ни на оскорбленія, ни на вопросы). А, што, ребята? Вѣдь дюжо хорошо придумалъ старшина. (Указывая на кушакъ).

Старшина. Хорошо, хорошо!.. Другимъ дѣвкамъ наука!.. Пусть смотрятъ, да въ голову вбираютъ...

Мужской голосъ изъ толпы. Конечно вберутъ. И будутъ душить, какъ душили во всѣ времена.

Старшина. Въ Сибирь, въ Сибирь такихъ!

Мужской голосъ изъ толпы. Испужались они твоей Сибири-то!... Они позора боятся больше всякой Сибири.

Женскій голосъ изъ изъ толпы. Вотъ если-бы премію выдавали имъ за каждого ребенка тогда пожалуй не стали-бы душить.

Женскій молодой и звонкій голосъ изъ толпы. Конечно, тогда не будутъ душить, потому народъ будетъ смотрѣть по другому.

Старческій голосъ. Я все свое имѣніе отказалъ-бы той дѣвущкѣ, которая не задушитъ своего ребенка, а сама будетъ воспитывать его.

2-й старческій голосъ. И я бездѣтный!.. И откажу все свое имущество на премію...

Нѣсколько голосовъ. Премію, такъ премію!

Множество голосовъ. Премію!!.. Премію!!... Премію!!... Премію!..

Старшина (грозя кулаками и кричитъ). Я васъ дамъ премію!.. Потачники!... Развратники!.. Ишь волю-то взяли, умнѣй старшины стали!... Всѣхъ въ темную

запрячу, да выдрать велю!... не вводите новаго порядка, а живите по старому. (*Передразнивъ*). А то премію!... премію!... у дѣвки сынъ родился, а они ей премію...

Голосъ изъ толпы. Да мы не за то что не въ законъ зачала а за то, что не задушила, какъ другія душили во всѣ времена.

Голосъ изъ толпы. Да!... ничего не сдѣлали строгостью и презрѣніемъ къ нимъ!... Надо попробовать любовію... и милосердіемъ!...

Старшина (*топая ногами*). Молчать, мелюзга!... Штобъ никто не пикнулъ, а только слушалъ, что скажетъ старшина!... Вотъ вы прежде послушайте, какую я умную рѣчь поведу съ Минодорой. (*Обращается къ Минѣ*).

Старшина. Ну-ка, Минодора! Скажи! Какъ это ты безъ нашего разрѣшенія мужа себѣ нашла?... А!? — Што жъ молчишь?... Кто тебя благословлялъ? кто вѣнчалъ?... А-а-а... Ты сама благословила... И незаконно сдѣлалась матерью...

Дьячиха (*выступая изъ толпы съ ребенкомъ на рукахъ*). Э-э-эхъ! — Батюшка старшина! (*Громко и сильно*). У Бога и природы одинъ законъ — любовь!... А вы хотите, чтобъ она пошла противъ этихъ великихъ силъ! и послушала бы васъ, слабенькихъ законниковъ...

Старшина (*дьячихѣ*). Убирайся, старая!! А то выдрать велю. (*Склоняется къ Минѣ и начинаетъ шептать ей на ухо; въ это время изъ липовой алеи очень медленно и съ остановками выходятъ Владиміръ и Дарья. Старшина продолжаетъ шептать и старается гдѣ-либо ущипнуть ее; толпа хохочетъ; Мина при каждомъ щипкѣ старшины только слегка вздрагиваетъ, но не издаетъ ни единого звука и на лицѣ ея, кромѣ глубочайшаго и безмолвнаго страданія не видно ничего. Нѣкоторыя дѣвушки и парни стали уходить къ оградѣ, нѣкоторые прохаживаются и разсуждая шепчутся*).

Владиміръ (*усталый и печальный*). Всѣ гости разѣхались и намъ пора ѣхать въ свое имѣніе, а ты ве-

дешь меня на какое-то зрѣлище .. Будто я не видалъ, какъ твой отецъ съ пьяными гуляетъ.

Дарья. Такого зрѣлища не видалъ.—Это заключительный фейерверкъ... Такого торжества не будетъ еще въ моей жизни... Пойдемъ и ты со мной побѣду торжествовать.

Владимірь. Какую побѣду? у меня сердце ноетъ, какъ будто недоброе предчувствуетъ...

Дарья. Тамъ въ народѣ на допросѣ отлегнетъ.

Владимірь. На какомъ допросѣ?

Дарья. Отецъ при всемъ народѣ допрашиваетъ мою разлучницу.

Владимірь. Какую разлучницу?

Дарья. Минодору.

Владимірь (*съ испугомъ*). Минодору!! Да развѣ она здѣсь!? Зачѣмъ она!?!...

Дарья (*хохоча*). Хотѣла разлучить меня съ тобой... Сына твоего принесла въ церковь... (*Хохочетъ*).

Владимірь. Минодору!! Мину!! Мина!! (*Бѣжитъ къ толпѣ; Дарья за нимъ; толпа кланяется и шумно кричитъ*).

Толпа. Много лѣтъ здравствовать молодой четѣ!... Много лѣтъ! Много лѣтъ! Ура!

Владимірь (*увидавъ Мину остолбенѣлъ, какъ-бы не вѣря своимъ глазамъ*). Минодора привязана!!.... (*Хватаетъ себя за голову*). Не сонъ-ли это? (*Обводитъ народъ глазами и остановясь на старшинѣ*). Что это?

Старшина. А, это другимъ дѣвкамъ наука, чтобъ не распутничали!...

Дарья (*хватая Владиміра за руку и подводя къ Минѣ*). Плюй въ лицо моей разлучницѣ!... Я такъ хочу!... Бей ее сейчасъ при мнѣ, чтобъ она не возвращалась къ тебѣ болѣ... (*Топаетъ ногами*). Слышишь!—Я твоя законная жена: И приказываю тебѣ плевать на нее!... (*Владимірь стоитъ какъ статуя*),

Дьячиха. Что-жъ не повинуюешься волѣ госпожи своей!!... Она купила тебя за пятнадцать тысячъ... Ты рабъ ея!... Исполни же волю госпожи своей.—Плюй

на мать сына своего.. (Поднимаетъ вверхъ ребенка, завернутаго въ одѣяло). Смотри! Онъ живъ!!

Дарья (злобно смотритъ на дѣвчуху, потомъ на Владиміра и взявъ его за плечи, трясетъ). Ну, ну! Статуя, оживись! — Рви мою разлучницу!... А то я сама разорву ее... (Въ изступленіи топаетъ ногами, машетъ руками и страшно неистово кричитъ). Бейте, рвите ее! Я велю! Я дочь старшины, что хочу, то и дѣлаю... (Быстро разрываетъ на груди ея рубашку; сучитъ кулаки... Изъ-за школы съ дубиной въ рукахъ выбѣгаетъ Оомичъ и поднимаетъ дубину надъ головой Дарьи).

Мина (поднявъ руку, какъ-бы отвращая ударъ отъ Дарьи и громко изъ всѣхъ силъ произноситъ). Отецъ! Остановись'!... Не самовольствуй!!... Не суди своимъ судомъ. (Поднимаетъ руку къ небу). Пусть судить сильный Богъ своимъ судомъ, а не ты, слабый человѣкъ... (Отъ сильнаго напряженія голова ея склонилась на грудь; глаза закрылись. Спустя немного она приподняла голову и глаза къ небу, какъ-бы молча молится, но отъ страшной слабости голова опять падаетъ на грудь и такъ остается безучастной ко всему происходящему).

Старшина (злобно неистово кричитъ). Вяжите этого пьяницу!! .. Тащите его въ волость, да закатите ему розогъ... (Изъ липовой алеи показывается Еся — идетъ къ толпѣ, останавливается и смотритъ, поворачивая голову во всѣ стороны. Мужики схватываютъ Оомича; вяжутъ ему руки и ноги; онъ борется и изрыгаетъ проклятія).

Оомичъ. Звѣрь сильный!... Будь ты проклятъ! — За неповинныхъ...

Старшина. Заткните ему ротъ, чтобъ не оралъ....

Оомичъ (борется и извивается въ рукахъ мужиковъ и кричитъ). Ты спаивалъ меня!... Ты хотѣлъ купить мою дочь!.... Она не продалась и ты теперь мстишь..

Старшина (злобно). Скорѣй тащите его въ волость, да розогъ ему закатите. (Оомича уносятъ) а его ра-

спутную дочь ко мнѣ на конюшню несите. — Я самъ расправлюсь съ ней.

Дарья. Нѣтъ! Съ разлучницей я буду считаться.. Дай мнѣ вволю натѣшиться надъ ней, а тамъ возьми и ты ее, отецъ.

Еся (*ставъ противъ старшины и поднявъ руки къ небу, громовымъ голосомъ произноситъ проклятіе надъ головой старшины*). Да будь ты проклятъ, (*быстро опускаетъ руку въ упоръ глазамъ старшины*) самовольный, самовластный человѣкъ!!... И дѣти твои, (*поворачиваетъ руку на Дарью и Владиміра*) и все потомство твое, да будетъ проклято за неправду твою!!... (*Показываетъ рукой на Мину*). Позоръ малыхъ сихъ, (*поворачивается къ старшину и направляетъ въ него руку*) да падетъ на главы сильныхъ старшинъ... (*Всѣ поражены*).

Владиміръ (*очнувшись во время проклятій протягиваетъ руки нѣсколько выше своего лба, какъ бы отталкивая отъ себя проклятія, или защищаясь отъ нихъ и когда Еся кончилъ, онъ слабо и болзненно говоритъ*). О, не проклинай! не проклинай!!... Я не сильный міра.—Я слабый человѣкъ.

Дьячиха. Охъ, великъ отвѣтъ сильныхъ за малыхъ!!...

Еся (*къ толпѣ*). А вы, обезьяны, тоже съ камнями?.... (*Машетъ въ толпу мѣшкомъ. Нѣкоторые бѣгутъ, какъ безумные, въ разныя стороны. — Еся бѣжитъ за ними. Оставшіеся стоятъ, какъ парализованные. Владиміръ бросается на землю передъ Миной и цѣлуетъ ея ноги, потомъ, поднимая голову и стоя на коленяхъ цѣлуетъ концы кушака. Мина безучастна ко всему*).

Владиміръ (*стоя на коленяхъ передъ Миной и обнимая ее колѣни и молитвенно складывая руки на груди своей*). Святыня моя!!... Прости меня!!... Прости за все!!... И иди за мной... Я увезу тебя далеко! И своей любовью заставлю забыть тебя весь позоръ... Жену я не люблю и никогда не любилъ.—Она силой заставила меня жениться на ней...

Дарья (*придя въ себя и яростно кричитъ*). И той же силой заставляю тебя жить со мной!.. а надъ ней надругаюсь, какъ душѣ угодно... Вотъ смотри! (*Схватываетъ Мину за плечи и изъ всѣхъ силъ трясетъ ее. Владиміръ вскочилъ на ноги, схватываетъ руки Дарьи и сильно оттолкнувъ ее отъ Мины; страшно смотритъ то на Дарью, то на старшину, то на толпу*).

Мина (*поднявъ глаза и руки къ небу, всплеснувъ ими и съ рыданьемъ въ голосъ*) Боже!! Да гдѣ же Ты?... (*Держитъ сжатая ладонь съ ладонью руки на груди и смотритъ въ небо*). Иль такъ великъ мой грѣхъ?... Иль я жертва искупленія за грѣхи другихъ?... Если такъ, то да будетъ воля Твоя.... (*Тихо и смиренно склонила голову на грудь и такъ застыла въ этой смиренной и покорной своей судьбѣ позѣ*).

Владиміръ (*топая на Дарью ногами кричитъ*). Прочь, змѣя!! Порожденіе ехидны!!.... Прочь съ глазъ моихъ!... убью!... Чтобъ ты не заражала собой землю... (*Обращается къ толпѣ*). Народъ!! Вяжите ее и въ тюрьму. (*Указываетъ на Дарью*). Она убійца своего дѣтища!.... Она своими руками задушила своего первенца!... И меня вяжите!! И я достойный мужъ своей жены!... И я собственными руками задушилъ второго ребенка... (*На лицахъ всѣхъ страшный ужасъ*).

Дарья (*блѣднѣетъ и дрожитъ*). Вретъ онъ, добрые люди! На себя наговариваетъ...

Владиміръ (*сильно*). Нѣтъ! Я больше не въ силахъ лгать и притворяться!!... Пять мѣсяцевъ тому назадъ (*указываетъ на Дарью*) она пришла ко мнѣ съ своею матерью. И у ней родились двойни (*Дарья стоитъ, какъ громомъ пораженная*). Все это случилось у меня на глазахъ! Я былъ самъ не свой: и стыдъ, и злоба, и ненависть, и страхъ боролся во мнѣ... И я дрожалъ, какъ преступникъ, не зная, какъ скрыть свой грѣхъ. (*Пауза*). А она нашлась. (*Тихо, бользненно*). Стала душить своего ребенка. (*Пауза. Склоняетъ на грудь голову*). Придушила одного и ослабѣла, (*приподнимая голову*) а другой—на весь домъ кричитъ. „Придуши-

же ты, говоритъ, его скорѣй, чтобъ онъ не оралъ. Вѣдь услышатъ люди“. А мать ея изъ другой комнаты кричитъ: „хозяинъ-графъ съ барышнями пріѣхалъ“. И заперла насъ на ключъ.. Какъ случилось—не помню, но только я задушилъ другого. (*Склонивъ голову, задумался на моментъ*). Что творилось вокругъ меня, что во мнѣ творилось и что я самъ творилъ,—не знавалъ и самъ себя не узнавалъ. — И казалось мнѣ, что это не я, а другой, чужой, незнакомый мнѣ; какъ будто самъ сатана вселился въ меня и управлялъ мною (*Пауза*). Смотрю на трупики и весь дрожу; зубы стучать, руки трясутся, а злоба! злоба страшная бушуетъ во мнѣ!!... Хотѣлось бить, ломать и убить Дарью.— И если-бъ еще немного, и я убилъ-бы ее.—Но она крикнула мнѣ: „чтожъ смотришь ты на нихъ? Тащи скорѣй ихъ въ прорубь!“ И я быстро схватилъ трупики и точно бѣсами гонимый, побѣжалъ къ рѣкѣ, ничего не видя передъ собой... Прибѣжалъ къ проруби: —бросилъ одинъ трупикъ, бросилъ другой.— Вдругъ слышу: „Владиміръ Николаевичъ! Зачѣмъ-же вы въ прорубь-то ихъ бросили, лучше-бы похоронить“. Смотрю — Митя, сынишко нашего кучера. Я, какъ бѣшенный звѣрь съ пѣной у рта, набросился на него; схватилъ за плечи и въ прорубь... Онъ барахтался, кричалъ, хватался за ледъ, а я съ сатанинской злобой толкалъ его подъ ледъ. И когда не слышно и не видно его стало, — я вдругъ при-смирѣлъ, усталъ, и ослабѣлъ, и усѣлся тутъ-же на снѣгу ни о чемъ не думая и ничего не видя... Вдругъ слышу: „Владиміръ Николаевичъ! Что жъ это ты, какъ полоумный, выбѣжалъ раздѣвши и безъ шапки?“ Смотрю —мать Дарьи съ шубой и шапкой въ рукахъ стоитъ предъ мной. „Одѣвайтесь, говоритъ, да уходите скорѣй отсюда, а то пожалуй придутъ сюда искать Митьку“. Я ничего не чувствовалъ: ни страха, ни холода, и ничего не сказавъ ей, всталъ и потихоньку поплелся. Она, идя за мной, накинула на меня шубу и одѣла шапку, и что-то говорила мнѣ, кричала, плакала и толкала меня въ спину, а я почему-то не отзывался ей. И какъ только пришелъ домой, улегся спать и спалъ

сутки. — Проснулся. — Голова тяжела, точно свинцомъ налита, и цѣлую недѣлю я былъ равнодушенъ и безучастенъ, какъ будто я не жилъ, а спалъ; и все, что ни дѣлалъ, какъ будто во снѣ.. Потомъ вдругъ пробудился и почувствовалъ весь ужасъ того, что сдѣлалъ. *(Пауза)*. Пошелъ къ церкви съ намѣреніемъ покаяться предъ всѣмъ народомъ, но увидавъ молящуюся Мину, не могъ признаться. — Захотѣлось жить... *(Пауза)*. И началась во мнѣ страшная борьба! Борьба двухъ духовъ! *(Пауза)*. Я долженъ бы одному изъ нихъ помочь, изгнать другого, а я не могъ и не хотѣлъ этого, за что и испытывалъ муки ада... Чтобы заглушить эти муки, я сталъ пить, и пилъ горько!.. *(Опустивъ голову, задумывается)*. А Дарья Андреевна каждый день грозить, что донесетъ, если не женюсь на ней, а я всей душой любилъ Мину... *(Пауза)*. Эхъ! *(хватаетъ себя за голову)* загубилъ я свою душу! свою молодость! жизнь свою загубилъ!!... *(Достаетъ револьверъ потрясаетъ имъ въ воздухъ)*. Умри же, Владиміръ!! Полно грязнить землю и заражать собой живущихъ на землѣ... *(Опускаетъ револьверъ и обращается къ Минѣ)*. Прости меня, мученица моя!! Прости и молись за меня!! Я рабъ грѣха и умру смертію, достойною грѣшника... *(Мина поднимаетъ голову и блуждающимъ взоромъ смотритъ на Владиміра)*. Ты опозорена, но не будешь самоубійцей, какъ я.. Ты мученица и тебя Богъ не допуститъ до самоубійства, Прости же и молись за меня!... *(Наставляетъ дуло револьвера въ ротъ, спускаетъ курокъ остьчка)*.

Мина *[раздирающимъ душу голосомъ]*. Владиміръ! Владиміръ! Не убивай себя!... живи!... И не отчаивайся!.. Богъ проститъ тебя! *(Хочетъ броситься къ Владиміру, протягиваетъ руки и вся сама тянется къ нему, чтобы спасти его. Вережки разрываются и она падаетъ на землю безъ чувствъ. Толпа окружаетъ Владиміра, хочетъ вырвать револьверъ)*.

Владиміръ *(неистово кричитъ толпѣ)*. Прочь, убью! мнѣ теперь все равно!... *(Направляетъ дуло револьвера въ Дарью. Дарья бѣжитъ къ церковной ог-*

радъ. Владиміръ за ней, держа револьверъ впереди себя; крестьяне бѣгутъ за ними и кричатъ).

Крестьяне. Держите, держите его! застрѣлите, застрѣлите онъ ее!... держите!

Старшина (сильно застонавъ и схвативъ себя за голову, упалъ на землю).

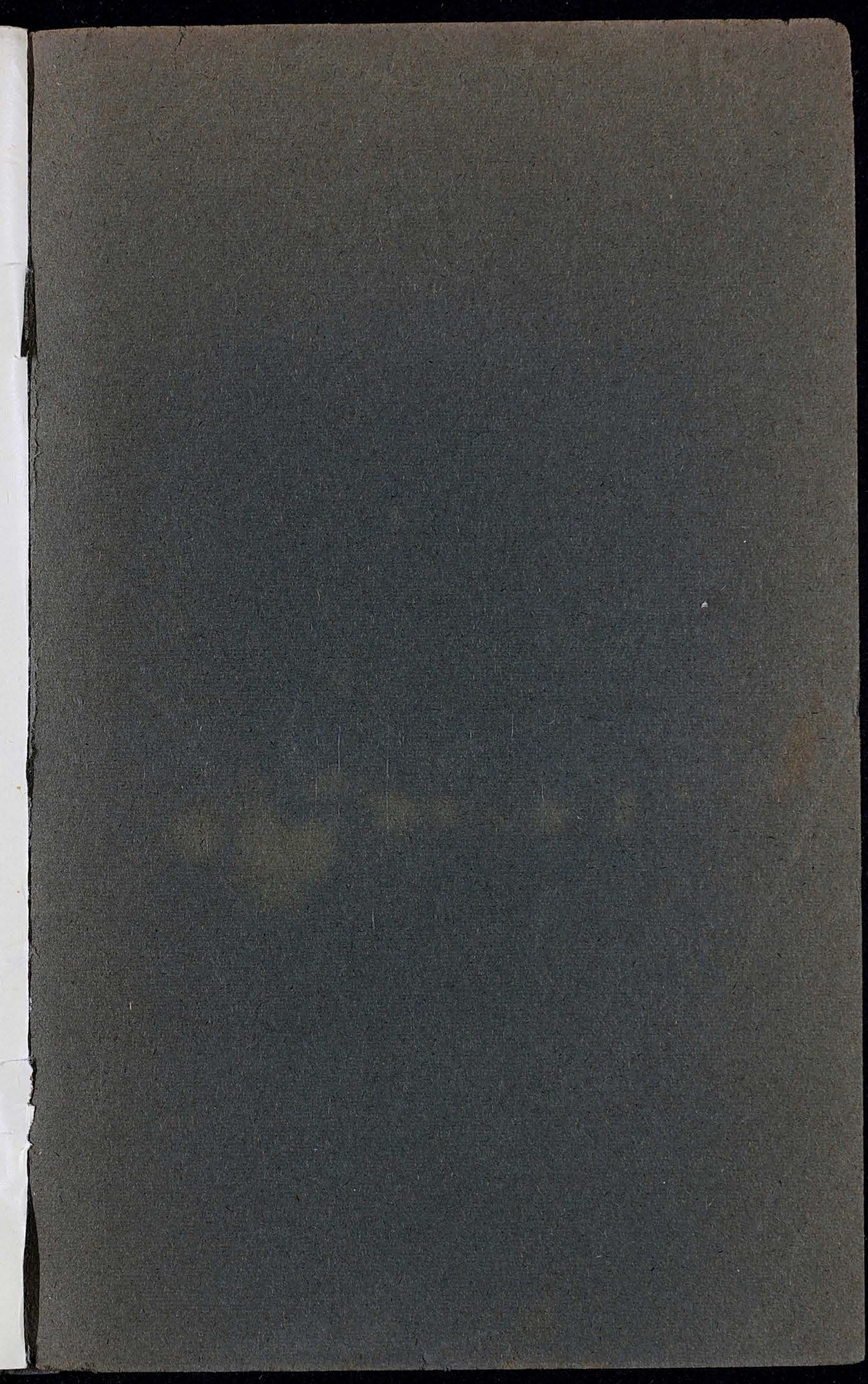
Алексѣичъ (подбѣжавъ къ старшинѣ и кричитъ толпѣ). Помогите, помогите, онъ живъ еще! (Двое изъ крестьянъ подбѣгаютъ и хлопчутъ съ Алексѣичемъ около старшины). Съ нимъ ударъ, ишь какъ перекосило лицо-то, даже смотрѣть страшно.

Дьячиха (качая головой надъ Миной и рыдая говоритъ). Загрызли, совсѣмъ загрызли бѣдную!... (Слышенъ выстрѣлъ, потомъ другой).

Мина (очнувшись отъ выстрѣла, приподнимаетъ голову и руку къ дьячихѣ и ребенку и тихо болзненно говоритъ). Сынъ мой! гдѣ отецъ твой? уже-ли погибъ безвозвратно? (Хочетъ приподняться, но отъ сильной слабости падаетъ безъ чувствъ).

Толпа (бѣжитъ обратно и съ ужасомъ кричитъ). Застрѣлилъ, глазъ ей прострѣлилъ... У невѣсты глазъ выскочилъ, а себѣ въ плечо выстрѣлилъ... (Другіе кричатъ). Около сердца прострѣлилъ себя... (Увидавъ старшину и Мину въ такомъ состояніи, останавливаются, какъ вкопанные).

Занавѣсъ.

напев, м
амя реет
бы, местн
ет,
рдеет,
ит огнем
ов на не
режный
ый труд,
ежный —
д. (2 раз)

ш напев,
знамя р
рьбы, ме
сеет,
ко рдеет
горит ог
ников на
т насильн
ть—
льно,
в. (2 раз)
пев.

пой, хол
аконец,
м труд с
му венец
пев.

се вместе
одна.

на месте
к сильна
пев.

очь оковы
абских п
ажем ног
дет труд!
пев.